

K1224601

КНИЖКА ПРОЛЕТАРСКО-КОЛХОЗНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Д. Д. СУББОТИН

СОЛИ-КАМСКИЕ

• 1 9 3 7 •

РОССИЙСКАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ПРОЛЕТАРСКО-КОЛХОЗНЫХ ПИСАТЕЛЕЙ (РОПКО)
НОВИНКИ ПРОЛЕТАРСКО-КОЛХОЗНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

А. СУББОТИН

СОЛИ-КАМСКИЕ

(О Ч Е Р К И)

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА • 1932 • ЛЕНИНГРАД

П Е Р В А Я
ТИПОГРАФИЯ ОГИЗАРСФСР
«О Б Р А З Ц О В А Я».
МОСКВА, ВАЛОВАЯ, 28.

Город у Соли-Камской

Соли-Камские — древнее название нынешнего Соликамска. В 1930 году он отпраздновал свое пятисотлетие. На Урале Соликамск — второй по возрасту город, после Чердыни.

Покрытые хвойными лесами тупые холмы северного Урала с трех сторон обступили город. Они прижали его к извилистым берегам Усолки, толкают к западу в мягкий мох заболоченной равнины, образованной отступившим руслом Камы.

Кама широка и спокойна. Тысячи лет старый Урал сторожил великую, но пустынную реку. Изредка лишь тревожили ее скользкие пермяцкие лодченки, да спускались вниз груженные солью шаткие купецкие баржи.

Все дальше отодвигалась Кама. Соляные варницы чахли и разрушались. На Нижегородской ярмарке отворачивались покупатели от соликамской соли:

— Пермянка, — морщились купцы. — Не годится! Желта и вкус горький. С прошлой ярмарки тыща пудов лежит на складе.

Неожиданно в 1909 году соликамской солью заинтересовались немецкие покупатели. Немцы пробовали ее на вкус, рассматривали цвет и сделали предложение: прислать им соль для анализа. Послали образцы, долго ждали ответа, но... от немцев — ни звука. Или забыли прислать они данные экспертизы «пермянки», или разочаровались, не найдя в ней того, что искали.

Бахмутские и другие соли вытесняли пермянку с рынка. Похожие на пожарные каланчи или на башни старин-

ных крепостей, рубленые стены варниц коробились, грозя обрушиться в Усолку. Город тонул в пятисотлетней грязи. Вкривь и вкось паутинились над ним кресты и колокольни церковей. Четырнадцать церковей и два монастыря — мужской и женский, двор воеводский да фамилии Турчаниновых, Суворцовых, Рязанцевых — оставила Соликамску история. Соликамск — вотчина богатых купцов-солепромышленников. До революции двести тысяч тонн соли ежегодно спускались из Соликамска вниз по Каме. В центре города в кругу рождественской, богородицкой и успенской церковей — лучшее здание Соликамска — пересыльная каторжная тюрьма; рядом с нею — тюрьма под соборной колокольней, в «воеводском доме» — арестный дом.

Придавила Соликамск тяжелая пята Урала. Прятался он за густыми лесами. Жил своей древней «соликамской» жизнью. Даже гудка заводского не признавал.

«Поспеют чрены» на солеваренном заводе — как и сто лет назад, — идут «посланцы» по улицам, стучат палками в оконницы, выкрикивают нараспев:

— Господи Иисусе Христе, сыне божий, по-ми-лу-у-йи на-ас... Дарья-я, выходи!

— Аминь. Иду.

Пропел заученное и, не дожидаясь ответа — дальше. Дарья спит у окна — слышит. Каждое утро, с дробным стуком, под пенью гнусавое просыпается Соликамск; хлопают калитки, спешат солевары к заводу. И похож был тогда Соликамск на большой монастырь или на молельню старообрядческую.

На заводах — скитский устав. В каждой варнице — икона святого, покровителя соленосной скважины.

В конце XVI века соликамский посадский житель Бабинов открыл дорогу через Урал в Сибирь, на Верхотурье. Бабиновская (государева) дорога возвысила Соликамск. Он оказался на главном торговом пути в Сибирь. Соликамск огородился острогом. Превратился в опорный пункт колонизации уральского севера. Но потом рост металлургической промышленности на Урале в конце XVIII века передвинул к югу центр экономической жизни края. Вы-

росли новые города: Пермь, Екатеринбург (Свердловск). Заглох и бабиновский тракт. В последний раз кряхтел он, распolzаясь гнилыми настилами под копытами лошадей, когда скатывались по нему из Верхнекамья в Сибирь колчаковские банды.

Жил Соликамск воспоминаниями о прошлой славе заброшенно и захолустно. Жители хранили изустные легенды, скуки ради искали подземные ходы под городом и скрытые в них неведомые сокровища.

Легенды о «кладах» не давали покою соликамским купцам. Однажды образовали они даже «паевое товарищество» по розыскам, работой которого заинтересовались в «губернии» и даже в Петербурге.

«1838 года мая 26 дня мы, нижеподписавшиеся города Соликамска купцы и мещане, по приглашению здешних протоиерея Федора Любимова и городского головы Колмогорова, в присутствии их изъявляем совершенную готовность к раскрытию имеющихся здесь подземных проходов для исследования путей; ведущих к оным и для изыскания достопримечательных древностей с тем токмо, ежели найдутся там какие-либо достойные замечания редкости, драгоценные по их достоинству, или древности, то за труды, старания и издержки наши, какие понесем, оказано б было нам полное и удовлетворительное вознаграждение...»

Эта «челобитная» попала к тогдашнему министру внутренних дел с. с. Блудову, по предписанию которого канцелярией пермского губернатора велось специальное дело: «Об открытии существующих в г. Соликамске подземных ходов».

Раскопки начинались не раз. Находили подземные галереи, но там ничего не было, кроме песку и плесени.

Дряхлый Соликамск умирал.

На тех местах, где встарину стоял «обнесенный стенами с башнями — острогом — посад», в центре которого находились высокие учреждения: изба съезжая-судная, изба земская, изба таможенная, погреб винный да кабак, двор воеводский, — на тех местах чахли уездные учреждения.

Чиновники судили мужиков и посадских людей, играли в карты, слушали колокольный звон и... пили...

Суровее на Соликамск наступал Урал. Росли Кизел, Усолье, а в Соликамске — чухлая уездная тишина.

Клад

Усть-Усолка — маленькая захудалая пристань в верховьях Камы. Большие камские пароходы доходят сюда от Перми и поворачивают обратно. Дальше бегут маленькие, похожие на мелководные «буксиры», суденышки. На устье Усолки — разрушенные солеварни. В одном из соляных амбаров певуче визжат станы лесопильного завода. От Усть-Усолки до самого Соликамска — ровная топкая низина, поросшая кустами ольхи, вересков, ивняжника. Около голубенького здания пристани — пышная каменная часовня. Рядом — горы песку, гравия. В самый берег Камы уткнулись рельсы узкоколейки. От Усть-Усолки к Соликамску — трактовая дорога. На ней — медленные подводы. Лошади тонут по колена в жидкой разболтанной грязи. А напротив, за Камой, — снова уральские холмы.

Берег отсечен невысоким обрывом. Вода в Каме похожа на отшлифованную голубоватую сталь. Белый катерок с размашистой надписью по борту — «Калинец» тянет с того берега наполненный гравием баркас. Катер повизгивает от надсады, и, точно откликаясь ему, за пристанью хрипло, по-стариковски гудит мотовоз.

Поют «Дубинушку». По берегу проводят дальше узкоколейку. Красные полосатые халаты рабочих на «ветке» похожи издали на лоскутные пермяцкие одеяла. Рабочие укладывают шпалы и на них кидают рельсишки.

Люди здесь равнодушны. Точно в то время, когда крепостной строгановский писец, давая характеристику соликамским залежам каменной соли, четким каллиграфическим почерком записал:

„Хотя в 1826 году в соликамских частных промыслах также открыт пласт каменной соли в 42-саженной глубине, но соль сия в сравнении с открытой

в усольских промыслах не столь чиста и имеет вид сероватой, вероятно от примеси глины или гипса; и попадались куски соли даже красноватого цвета. Дальнейшей же проходки и исследования соляного пласта не сделано, и богатого рассола получить не могли, потому что породы, соляной пласт покрывающие, весьма рыхлы, и потому заваливали проходку, так что не было никакой возможности установить веслых трубок, а пресная вода, смешиваясь с рассолом, делала его убогим“.

Строгановский рукописный альбом, содержащий, кроме описания и истории солеварения в Верхнекамьи, чертежи многочисленных церквей и гражданских зданий в Усоли и на других строгановских промыслах, — хранится в Верхнекамском краеведческом обществе. Составленный около ста лет тому назад, он впервые упоминает о «красноватой» соли, скрытой под соликамскими холмами и болотами.

А теперь о соликамской соли говорят ученые, экономисты, исследователи. Она — не легендарный, а существующий большевистский клад.

— Вам за Каму, товарищ? — неожиданно раздалось сзади меня. Я обернулся и, не понимая в чем дело, немного отступил от обрыва.

— Нет, не нужно. Мне в Усть-Усолку.

— А-а... на пристань?

Молодой, с рыжеватым пушком на подбородке пермяк, облокотившись на столб, на который замотана причальная цепь пристани, прищурившись, внимательно смотрит на меня узкими, чуть косоватыми щелками глаз. Он говорит по-русски с характерным протяжно-крикливым акцентом. У него — острый нос, продолговатый овал лица и резко выступающие скулы. Эти характерные черты нашли отображение в богатых коллекциях пермской деревянной скульптуры в музеях Перми, Усолья, Соликамска. Он улыбается. Широкий рот обнажает крепкие зубы. Верхняя губа его при этом так высоко поднимается, что видны розовые, влажные от слюны бугорки десен.

— И не на пристань, — отвечаю, стараясь подражать его тону. — Хочу, вот, посмотреть на работу по устройству порта.

— Ах, в порт... тогда вам надо за лесопильный, туда вон! — махнул он рукой. — Там переправа через Усолку. А вы не здешний?

— Нет. Приезжий...

— При-ез-жий! в голосе его слышалось любопытство. — А у нас где-ка работишши!.. Позвольте папироску, — неожиданно прервал он себя и, закуривая, пояснил: — Работаем мы на постройке, а квартиру в Усть-Усолке содержим. Каждый день туда и обратно... дешевле обходится. Артелью квартируем.

Он немного помолчал, затянулся папироской и с угрюмым сожалением сплюнул под ноги:

— Табаку нема.

— Не снабжают, что ли?

— Ударникам дают, мать ихху!

— А ты не ударник?

— Не записался. Артель несогласная у нас, да и живем-та далеке от постройки. Не хотят ребята.

Он бросил на землю окурок и, притопнув его ногой, как будто смущаясь чего-то, спросил:

— Правда ай нет, товарищ, говорят, ударников отсюда станут в Сибирь перебрасывать?

— Кто же про это говорит?

— На постройке болтают, — неопределенно протянул он и добавил: — так что, я думаю, врут...

В голосе его звучала тревога. Он, видимо, верил и не верил слухам. Стараюсь его успокоить:

— Конечно, врут. Ударники — это добровольцы на строительстве, которые работают больше и лучше других. Никто не собирается и не может снимать их с работы. За то, что они идут впереди других, они и пользуются некоторыми преимуществами.

Похвала ударникам затронула его за живое.

— Все это не для нас, — недоверчиво настораживаясь, заявил он. — Может где в другом месте и хорошо, а у нас... — он не закончил фразы и махнул рукой.

Вправо от пристани, за горами песку и гравия, хлюпают мощные насосы, выкачивающие воду из свежескопанных котлованов. Развороченные глины пересыпаны серыми обломками мергелей. Казалось, проснулись сонные берега Камы под лопатами землекопов. От устья Усолки полоса мутной воды чешуйчато изогнулась по бледно-голубому простору реки. За пристанской оградой, покрытые брезентами, высятся пирамиды цемента. Вдоль линии узкоколейки — костры бревен, развороченные туши старых соляных амбаров. Против лесопильного завода, среди гор леса, на двери новенького одноэтажного домика белеет картонная вывесочка: «Контора Уралпромстроя».

От пристани Усть-Усолка через перелески видны колокольни соликамских церквей. Теперь в церквях расположены: общежития строителей, типография, склады. Купола сломаны. В городе «работает» только одна церковь, с колокольни которой по утрам еще разливается «благовест». Эта же колокольня заменяет Соликамску пожарную каланчу, и на ней дежурный пожарник аккуратно отбивает часы.

Разрушается «город у Соли-Камской», отодвигается в болота, нехотя уступает место другому, задорному, промышленному Соликамску, протянувшему к нему булыжное шоссе, первое за пятисотлетнее существование города.

...В 1906 году на троицком солеваренном заводе в Соликамске бурили новую Людмилинскую скважину. На глубине 98—99 метров обнаружили пласт каменной соли желтого цвета с красноватыми прослойками.

В следующем 1907 году на том же заводе решили углубить старую, недействующую Петровскую скважину, что находилась на расстоянии 320 метров к югу от Людмилинской. Углубку начали с 64-го метра. До глубины 86,4 метра буровая шла в пластах каменной соли, ниже — эти пласты перемежались с прослойками гипса, а на 93-м метре обнаружился пласт соли темно-красного цвета. Бурение производилось в поисках обильных рассолов, но при отсутствии воды в пройденных пластах рассола получить не удалось. Скважину забросили.

Образцы пройденных солей хранились владельцем завода.

Красная соль заинтересовала солепромышленников. Присутствием ее в соляных пластах они объясняли желтый цвет выварочной соли, понижавший доходность промыслов. По поручению владельца завода, провизор соликамской земской аптеки Власов пытался расследовать причины окрашивания соли. Причин он не нашел, но в окрашенных образцах обнаружил присутствие солей железа и калия; это было подтверждено и экспертизой уральской горной лаборатории в Екатеринбурге (Свердловске).

До мировой войны из известных залежей калийных солей самые мощные находились в Германии. Германия почти монопольно снабжала калийными удобрениями все страны. Она ежегодно вывозила их за границу на сто миллионов марок.

Спрос же на калийные соли все время возрастал. Калийные удобрения оказывают огромное влияние на повышение урожая. Добыча же их сравнительно дешева. Кроме удобрений, калийные соли дают другие ценные химические продукты: хлористый магний, бром, металлический магний и др. На базе калийных рудников развернулась в Германии мощная химическая промышленность.

После этого можно было заинтересоваться и «горькими на вкус, желтыми на цвет» содержащими калий соликамскими солями. Недаром немецкие эксперты и директора калийных рудников знали гораздо больше об этих солях, чем русские царские чиновники, — знали, но, осторожные, хранили это в тайне.

В дореволюционную Россию ввозилось из Германии ежегодно до 80 тысяч тонн калийных солей. Большинство их шло на поля Польши и Прибалтики. Мировая война закрыла границы. Прекратился ввоз калийных удобрений. Тогда в Академии наук вспомнили о Соликамске. Немцы — монополисты калийной промышленности: нельзя ли в пику им прогреметь на весь мир своими запасами калия?

В 1915 году в Соликамск приехал командированный геологическим комитетом Академии наук инженер Деринг. Он разыскал образцы «красной» соли, полученной при углубке Петровской скважины. Деринг увез их в Петербург. Химическое исследование установило, что «красная» соль —

окрашенный окисью железа сильвинит, содержащий 10—14 процентов окиси калия (K_2O).

В 1917 году академиком Курнаковым начаты работы по химическому изучению калийных солей в районе Усоляя и Соликамска. Поставлены лабораторные опыты, кроме того производились опыты над сгущением, путем выварки крупных проб маточных рассолов на соликамском Троицком солеваренном заводе. Опыты подтвердили содержание калия в соликамских солях.

По поводу этого открытия профессор М. Сиринов писал в «Биржевке»:

„Совсем недавно сделано чудесное открытие, сулящее России необычайно богатые перспективы: в Соликамске найдены богатейшие в мире залежи калия.

„...Экспедиция проф. Курнаков, исследовавшая соликамские копи, обнаружила, что соль этих копей содержит в себе до 20% чистого калия, без всякого соединения с магнием, чего не имеется в германских копиях и что делает эти залежи чрезвычайно ценными“.

Указав, что в соликамских солях процент содержания калия выше, чем в германских, проф. Сиринов приводит следующую интересную историческую справку:

„...Первое предположение о нахождении калия в соликамской соли было сделано лет двадцать тому назад (в последних годах XIX столетия). Тогда германский калийный синдикат поручил своему консультанту произвести обследование. По официальному анализу последнего, калий хотя и был найден, но в таком ничтожном количестве, что о коммерческой эксплуатации соликамских копей в данном направлении не может быть и речи. Слянка с солью хранится до сих пор в Академии наук, и вот — был теперь сделан повторный анализ соли, заключенной в академическом сосуде, причем оказалось, что процент содержания калия и в этой пробе очень высок — 5—7%. Таким образом, немецкий эксперт учинил подлог. Так действуют наши экономические враги“.

Теперь не приходится удивляться поведению тогдашнего немецкого эксперта. Вой инспирируемой калийным синдикатом буржуазной печати вокруг соликамского калия — доказательство, какую опасность представляет советский калий для монополистического положения синдиката на мировом рынке калийных солей.

Из глубины земных недр соликамский калий наносит сокрушительные удары по прибылям капиталистов, владельцев калийных рудников.

Гражданская война, голод и разруха задержали исследование и промышленную разработку соликамского калийного месторождения. Только в 1924—1925 гг. профессором Преображенским были вновь начаты исследовательские работы. Но теперь, кроме исследования рассолов, заложили первые глубокие буровые скважины. 5 октября 1925 года в первой разведочной скважине, заложенной на территории соликамского солеваренного завода, получен кусок сильвинита. Дальнейшее бурение обнаружило мощные слои содержащих калий солей.

В Америке на изыскательные работы по калию в сомнительном, бедном бассейне (Техас) ассигновали сто миллионов долларов. В Соликамске же разведки на калий вели без хороших инструментов и — без средств. Это понятно. Мы создаем величайшие ценности, невиданными в мире быстрыми темпами строим социалистическое хозяйство, но мы еще бедны. Героизм советских рабочих и наши успехи — доказательство и пример пролетариям всех стран, что может создать освобожденный рабочий класс, установивший свою диктатуру даже в такой отсталой, нищей, рабской стране, какой была царская Россия.

Советский Урал — край великих, далеко еще не разведанных возможностей. Железо, уголь, медь, золото, платина, драгоценные камни... Богатства Урала неисчерпаемы. И уже после революции открылись в его недрах новые сокровища — нефть, калийные соли.

Есть на Урале и свои счастливицы, которым открывается он. передает из «полы в полу», как барышник-цыган коня, пути к сокровищам своих недр.

Зырянов — рабочий за 20 рублей в месяц в геолого-разведывательной партии проф. Преображенского. В его дежурство бур подал на поверхность первую колонку сильвинита.

С тех пор Зырянов прошел не одну скважину. Расширялась разведанная площадь калийной залежи. Построили буровую вышку в Чусовских городках. И здесь искали калий. Но вместо калия из скважины Чусовских городков... ударила нефть.

Новый драгоценный дар Урала — черная кровь.

И снова в дежурство Зырянова.

Но в 1930 году Зырянова, рабочего за двадцатку в месяц, уже нет. Есть старший мастер Уралнефти — Серафим Васильевич Зырянов.

За пять лет, к октябрю 1930 года, в соликамском калийном месторождении пробурено 32 скважины. Глубина всех скважин — свыше 10 500 метров, а отдельных скважин — 250—725 метров. Этими скважинами очерчена площадь более 600 квадратных километров. Запас чистого калия в разведанной части месторождения — около 6 миллиардов тонн.

Разведенная площадь далеко еще не покрывает всего калийного месторождения. Границы залежи не установлены. Но и разведенные пласты уже в два раза превосходят все вместе взятые, известные к настоящему времени мировые запасы калийных солей (Германия, Франция, Польша, Испания, Палестина, Америка и др.).

Превосходят не только количеством. Соликамские сильвиниты отличаются богатством содержаемого в них калия. Из известных до сих пор самые богатые содержанием калия эльзасские соли — в три с половиной раза беднее соликамских.

Даже такие «беспристрастные» свидетели, как горный директор Клаус (один из директоров франко-германского калийного синдиката, посетивший Соликамск вместе с профессором технической высшей школы в Бреславле — д-ром Шпакеллером), выражая тревогу за судьбы германской калийной промышленности, заявил:

„Открытие этого участка в 70 километров (длины) дает, конечно, только начало русскому месторождению калия, которое, по мнению эксперта, в одной только Уральской области не поддается никакому вычислению“.

Потому, знать, и хмурятся издали на Каму колокольни соликамских церквей. В последний раз «проплакал» о былой тишине богомольного Соликамска в 1917 году местный «ученый» иерей И. Шестаков:

„...А зимний собор разваливается, — писал он, — и ни в ком сожаления не вызывает, слабы работы по реставрации других храмов... Не говорят ли это о вымирании духовной силы аборигенов города“.

Узорная архитектура соликамских церквей, сочетавшая в себе черты стиля Великого Новгорода и средневековой Москвы, переплетенная резным «узорочьем» в подражание пермским деревянным храмам, — восхищавшая знатных путешественников, вроде Берха, описанная И. Грабарем, — исчезает, стирается. Соликамск тянется к Каме. Двухэтажные большеоконные дома похожи на дома новой Москвы. В пяти километрах от города строится порт. В 1929 году в полутора километрах от Соликамска уперлась в недостроенное каменное здание вокзала железная дорога. В железнодорожных справочниках к горнозаводской ветке Пермской дороги приписали красным карандашом станцию «Соликамск». Дорога пойдет дальше, на Печору: к печорским углям и ухтинской нефти.

Новая культура в Соликамск идет из-за Соликамской горки, где на берегу речки Черной, на карте Соликамского района обозначено кружком расположение первого калийного рудника.

Первого калийного рудника в СССР.

Но это уже потом. В первый день на месте нынешней шахты № 1 стоял шест, вбитый рукой тогдашнего председателя калийного треста товарища Зофа, когда после короткого митинга откачена была на отвал первая тачка породы.

Спицы в колесах

Акции калийного синдиката ¹ — золотая валюта.

Держателям акций калийной промышленности обеспечены высокие дивиденды.

Устойчивость курса калийакций на международной бирже не подвергается сомнениям и колебаниям.

Незыблемо монопольное благополучие калийного синдиката... бесконкурентное благополучие.

И вдруг... тревожные вести из Соликамска.

Безвестный городок, потерянная географами точка на карте северовосточной границы Европы, неожиданно оказался в почете на холстах многотиражных буржуазных газет всего мира.

Биржа — чуткое животное. У биржевого дельца постоянно нос по ветру. Ничтожные изменения «температуры» для него признаки ужасного циклона, способного опустошить карманы одних и пролить дождь долларов на других.

При первом упоминании о Соликамске акции калийного синдиката упали в цене.

В газетах писали:

«В большевистской России обнаружены колоссальные залежи калийных солей».

«Соликамские залежи калийных солей богаче по количеству и выше по качеству всех известных месторождений», — заявляли одни.

«Ложь! Ерунда! Большевистская выдумка!» — надрывались другие.

«Большевики выдумали курскую аномалию, кузнецкий уголь, магнитогорскую руду, соликамские калийные соли; выдумывают бесконечные Волховстрои и Днепрострои с целью подорвать благополучие цивилизованного мира».

Писаки из белогвардейцев пытались рассеять страх перед соликамским калийным циклоном. Они оспаривали у большевиков честь открытия калия.

«Соликамский калий вовсе не большевистское открытие, —

¹ Синдикат объединяет калийную промышленность во Франции и Германии».

воскликали они. — Он найден еще в то время, когда Россия была цивилизованной страной. Если передовые государства Европы поддержат находящиеся в эмиграции здоровые слои русского общества, то...»

Понятно, в чем дело! Призыв к интервенции и поддержке белогвардейских бандитов. Тогда... соликамский калий будет не страшен. Он превратится в выгодные спекуляции, доходные концессии для капиталистов. С помощью белогвардейцев капиталисты смогут «делать» из соликамского калия полноценные доллары.

А между тем в Соликамске, углубляясь в гигантский пласт каменной соли, бур выдавал на поверхность новые и новые колонки карналитов и сильвинитов. Увеличивались квадратные километры исследованной залежи, а пласты карналитов и сильвинитов не исчезали, не выклинивались, — ровными склонами они уходили от центра месторождения на север, юг, восток, запад.

Пробить толщу покровных пород — и калий миллионами тонн хлынет на советские поля, обогатит их, обернется миллионами центнеров тяжеловесного зерна, овощей, плодов.

Это не сказка, но похоже на сказку.

Первая колонка сильвинита выдана на поверхность 5 октября 1925 года. Страдающий астмой соликамский телеграф, ухитряющийся по трое суток передавать в Москву «молнию», в тот же день закричал, оповещая мир о новой большевистской победе. Металлические части «Юза» равнодушно тянули узкую бумажную ленту, а подвязанный платком, похожий на чеховского чиновника, телеграфист, прежде чем пустить на ленту слово «сильвинит», долго совещался со столпившимися сослуживцами о значении непонятого «шифра».

Прошло два года с тех пор, и тот же телеграфист в дни десятилетия Октябрьской революции вновь простучал клавишами «Юза» — Всем! Всем! Всем!.. — извещая, что в Соликамске приступили к проходке первой калийной шахты на первом руднике имени десятилетия Октябрьской революции.

Когда это необязательно, мы умеем быть удивительно осторожными. При подготовке к эксплуатации соликамских залежей калийных солей «осторожность» соблюдалась как будто нарочно для того, чтобы оглушенные первыми сообщениями о соликамском открытии продажные журналисты буржуазных газет заскрипели перьями, раздувая слухи о никчемности соликамской «затеи», о невозможности промышленной разработки соликамских солей, нерентабельности их, чудовищных расходах на транспорт, — о том, что если и открыта в Соликамске кое-какая «мелочь», то нищим большевикам нечего и мечтать о коммерческой эксплуатации этой «мелочи».

О чем толковать, когда калийный синдикат имеет полномочия на калийную монополию! Синдикат продает миллионы тонн калийных солей...

И точно в угоду синдикату в наших учреждениях пошли нескончаемые разговоры.

Разведали, проверили, но только доходило дело до решения, — начинались сомнения.

Эксперты доказывали: запасы новооткрытых солей неизмеримы. Буровая штанга, обходя всякую волокиту, настойчиво и беспристрастно твердила, что разработку залежи можно безбоязненно начинать в любом месте окрестностей Соликамска. Закрой глаза, ткни пальцем в километровку в радиусе Соликамск-Березняки и безбоязненно закладывай шахту.

Но для «комиссий» доводы штанги — мертвое доказательство. «Живые» люди, никогда не бывавшие в Соликамске, только сейчас, сидя на заседании комиссии, узнавшие о реальном существовании сей географической точки, стуча карандашами по белоснежным листам бумаги и елозя взорами по разостланной карте Верхнего Урала, доказывали:

— Лучшее место для закладки шахты — правый берег Усолки. Тут хотя и болото и плавунуны, но зато соль ближе к поверхности.

Им возражали:

— Ерунда ваш правый берег! Труднее там организовать

транспорт. Канатка до порта пойдет по линии ледохода Усолки, да и расстояние увеличивается на 7-8 километров. Надо закладывать шахту на левом берегу. Вот тут, например, у подножья Соликамской горки. Место удобное для возведения надземных построек, будущий порт — в трех километрах.

— Позвольте, как же так? Район левого берега слабо разведан. Вдруг...

Что значит — вдруг? Пройдены три разведочные скважины. Правда, соль лежит несколько глубже, но зато — нет плавунув, проходка шахт обойдется дешевле. Нельзя с первых же шагов допускать грубые ошибки.

Решительнее других оказался горный отдел ВСНХ. Тот вообще забраковал соликамский район.

— Какой там Соликамск! — возопили чиновники из горного отдела. — До него от конечного пункта Пермской железной дороги 35 километров. Можно разве при таких условиях разговаривать об использовании соликамских солей. Денежки государственные, на них зря транжирить! Нужно передвинуться к югу, к Березнякам. Там организовать разведку.

От разговоров горный отдел перешел к делу. В 1926 году он принял мудрое решение, суть которого сводилась к тому, что использование Соликамского района надо отложить, всякие разведки там прекратить и всю работу по изысканиям калийных солей сосредоточить в районе Березняков.

Одним словом, как унтер-офицер в царской казарме:

— Соликамск, подбери брюхо! Отставить!

Горный отдел ВСНХ торжествовал, одержав победу. Повидимому, вместе с ним торжествовали и директора калийного синдиката. Путь к советскому калию заморожен.

Но ведь калий — факт.

Даже такому высокому учреждению, как горный отдел ВСНХ, не хватило пороху, чтобы вычеркнуть Соликамск из баланса нашей промышленности.

30 августа 1926 года президиум Госплана СССР постановил:

„...Учитывая результаты разведок и наличия в СССР ряда почвенных районов, испытывающих калийный голод, с одной стороны, и потребность химической промышленности СССР, особенно в отношении производства экспортных товаров, с другой, — признать необходимым немедленно приступить к организации в СССР калиевой промышленности на базе соликамских и ближайших к ним месторождений“.

Однако в разговорах прошел еще год. Казалось, все препятствия устранены. Решение Госплана есть, заключение авторитетных экспертов налицо. Даже организовался калийный трест. На одном из соликамских домов повесили вывеску «Соликамская рудничная контора калийного треста ВСНХ СССР», а «живые люди» все еще цеплялись за спицы исторического колеса, посылно тормозили и... разговаривали.

И кто знает, когда бы кончилось это говорение! На счастье нашлись смелые люди в ВСНХ — приказали начать наконец работу по проходке шахт.

Авторитетный карандаш начертил неправильный кружок на карте Соликамского района. Этим кружком было выбрано место для постройки первого калийного рудника.

На левом берегу Усолки, в двух километрах от Соликамска, на берегу речки Черной, в четырех километрах от пристани Усть-Усолка, стали возводить временные здания рудничных построек.

Покровные толщи бюрократизма треснули, открывая пути к советскому калию.

Начало проходки шахты — вторая бочка динамита, взрыв которой еще сильнее ударил по прибылям калийного синдиката.

Калийный трест ВСНХ СССР перенес резиденцию из Свердловска в Соликамск.

„Скромные“ монахи и бесчувственные большевики

Удивителен по обилию грязи город Соликамск. Не в пример другим городам «земли русской», соликамские воеводы, городничие, исправники и городская управа не украшали его булыжными мостовыми. Спускающиеся к Усолке улицы — черные, вязкие. Напоминают они застывшие потоки.

Особо густа и глубока грязь на центральной площади. Четыре собора возвышаются как необычные острова, исторгнутые вулканическими силами Урал-тау из никогда не пересыхающего грязного озера.

Грязь в Соликамске особенная: липкая, тягучая, способна она засосать колеса и остановить движение любого экипажа.

...1930 год. Толпа на одной из центральных улиц города. На углу щеголезатый брендмейстер в новеньких кожаных рукавицах, какие надевают во время полета авиаторы. Он что-то объясняет любопытным.

— На пожар ехали... сгорело, поди? — участливо спрашивает только что подошедший сезонник в туго натянутом поверх ватного пиджака полосатом халате.

Брендмейстер презрительно оттопырил губу и достал из серебряного портсигара папиросу. Взглянув на присевшее к земле с противоположной стороны улицы здание почты, он остановил глаза на измазанной глиной прозодежде землекопа.

— Не на пожар, — цедит он. — Променаж для лошадей!

Напротив почты, посредине улицы застряла поставленная на дроги, окрашенная в темносерый цвет пожарная бочка. Гнедая лошадь недовольно взмахивает хвостом и на удары кнута отвечает ударом ноги. Передок у повозки белеет обломками разбитых досок.

Дергают лошади, им помогают люди. Пожарный «променаж» наводит на мысль, что, случись всамделишный пожар, придется гореть старому Соликамску на глазах щеголяющего серебряным портсигаром брендмейстера.

...Глубоко вдавливаются в расплавленную грязь рубча-

тыми резиновыми покрышками двойных колес трестовские «АМО» и «форды». И всякий раз, при встрече с ними, жалость невольная поднимается к этим тяжеловесным существам. Ежедневно останавливаются они посреди улицы. Буксуют. Настойчивые люди не смущаются: бросают под брюхо машин фанерные листы, лезут туда, подвинчивают, исправляют.

Грязью Соликамск ополчился на потревоживших его сонную жизнь беспокойных пришельцев. Кое-что он выводит из строя, кое-где побеждает. Но пришельцы обладают железным упорством. Шаг за шагом отрывают у старого Соликамска его вотчины. Побеждается и соликамская грязь. Еще год-два, — покроется она твердой одеждой бетона и асфальта, — протянутся новенькие шоссе. И тогда крики «АМО» и «фордов» зазвучат победно, сгоняя с пути пермяцкие таратайки.

Но сейчас соликамцы по традиции еще не любят тротуаров. Пройдешь шаг-два по шаткой доске, а потом снова грязь, непролазная, глубокая и скользкая, как свежий клейстер.

...Начало сентября. Густой снег падает на землю, желтыми подпалинами расплывается на дороге, пухло белеет на крышах домов. А на Калийной улице, за кособоким частоколом, резво желтеют подсолнухи. Видимо, какому-то любителю южной экзотики они заменяют поздние цветы. На улицах козы, свиньи и комолые, вислобрюхие, нетребовательные к удобствам коровы не пугаются людей.

Упрется ногами в полуметровый «тротуар», в боевом задоре пригнет к земле голову.

— Н-но! Кш... кш...

Угрозы не помогают. Если в руках у вас нет палки, упрямое животное заставит вас обойти стороной.

И все-таки — чудесный город Соликамск!

До революции центр жизни соликамской сосредоточивался в монастыре. Существует он со дней основания города, — соликамский Истобенский святотроицкий трехклассный мужской монастырь.

Писатель Федор Михайлович Решетников, бывший в мо-

лодости на послушании в Истобенском монастыре, рассказывает в своих «записках»:

«Когда я жил в Перми, я имел величайшее хотение, чтобы мне остаться в монастыре, но в Соликамске я в одну неделю познал нечестие монахов, как они пьют вино, ругаются, едят говядину, ходят по ночам (?), ломают ворота.

В другом месте «записок» он пишет:

«Я ходил каждый день в монастырь и смотрел на их (монахов) образ жизни, и все они... не похожи на монахов... и делают разные непристойности».

В наши дни центр жизни соликамской тоже в монастыре. Но в отличие от прошлого нынешний центр именуется в официальных бумагах — «б. монастырь». Налево от входа в скорбященско-воскресенскую церковь — медная доска с лаконической надписью:

«Калийный трест ВСНХ СССР».

Дверь напоминает полукруглую глубокую нишу, точно ведет она не в советское учреждение, а в древнюю монастырскую тюрьму.

Над самым входом — с внутренней стороны — поясное изображение благословляющего Христа. По верхнему полукругу позолоченная славянская вязь:

«Аз есмь с вами, и никтоже на вы».

А напротив, на светлой площадке лестницы — диаграммы соликамской опытной сельскохозяйственной станции, изображающие влияние калийных удобрений на урожай.

И никто не удивляется соседству Христа с диаграммами опытной станции. Равнодушно проходят мимо. Привыкли.

...В большом зале — чертежные столы, маркшрейдерские конторки. За барьерами — жизнь технического учреждения: трещат телефонные звонки, мельтешат синие халаты курьерш...

А сверху — припомаженные, похожие на парикмахерские вывески «лики» угодников. В главном зале созерцают работу совслужащих: Амвросий еп. пермский, Иоанн Златоуст, Василий Великий, Григорий Богослов. В центре сводчатого потолка — серые крылья вяхиря, как бы улетающего от протянутых к нему рук.

Нервы «странного» учреждения идут в «алтарь». На более, на месте б. правого клироса — застекленная кабинка юрисконсульта. «Царские ворота» заменены обыкновенной дверью. Поперек «алтаря» — покрытый зеленым сукном длинный стол. Сверкают графины с водой, придавая комнате деловой строгий уют. Стены «алтаря» увешаны картами, диаграммами. На окнах, в шкафах — всюду образцы соли, покровных пород...

Направо — председатель треста, товарищ Цифринович, высокий, в кожаной куртке, налево — главный инженер; слегка прищурившись, он всматривается в разложенные на столе синие листы кальки, испещренные ровными линиями, кругами, конусами.

— Ваш проект устройства фундамента надшахтного здания поглотит уйму бетона, — гудит его голос. — Спрашивается, кому нужны такие убийственные запасы прочности? Достаточно заложить вниз полутораметровую (по вертикали) подушку и, скашивая дальше стенки, подвести к основанию кирпичной кладки. Достигается экономия во времени и материалах, и в то же время обеспечивается прочность фундамента.

— Но тогда потребуется перепроектировка фундамента, — возражает принесший чертежи инженер.

— Это не имеет значения. Основание фундамента можно закладывать немедленно и за это время подготовить чертежи. Перепроектировка не мешает темпу работы.

К Цифриновичу подлетел завхоз и сообщил, что райисполком не дает здания физкультурного клуба под общежитие прибывающей завтра на строительство партии колхозников.

— Почему?

— Не могу добиться ответа, товарищ Цифринович. Сегодня надо бы завезти столы, кровати... Не знаю, как выкрутимся.

Цифринович берется за телефон.

Чтобы позвонить в Соликамске по телефону, сначала нужно энергично повертеть ручку, потом приложить трубку к уху, подождать вопроса со станции, снова положить

трубку на аппарат, повертеть еще раз и тогда... Ухо телефона поражено глухотой, надобно кричать, не жалея легких.

Новички подолгу сидят, прижав трубку к уху, стучат по аппарату, приводя своей несообразительностью в восторг соликамских старожил.

— Алло! Товарищ Михалевский? Уехал? Вот что, товарищ, завтра на рудник прибывают колхозники, нужно их разместить. Ну да, на работу... Сегодня завезти обстановку...

Трубка что-то шипит. В конце концов Цифринович бросает ее на аппарат и резче крутит ручку.

— Товарищ Шах-Гильдян?

Конечно, мы не в Персии. Шах-Гильдян — не родственник и даже не знакомый своего персидского тезки — Шаха-Пехлеви. Тот — Шах-Реза-Хан-Пехлеви... персидский шах, а Гильдян — шах без титула.

Шах-Гильдян изучал ленинизм в «Свердловке», «шах» с партбилетом, выданным Краснопресненским райкомом в Москве.

На плечах Шах-Гильдяна — руководство партийной организацией в ответственнейшем районе химического и калийного строительства.

Вопрос об общежитии для прибывающих колхозников улажен. Цифринович отдал распоряжение завхозу к утру подготовить помещение.

— У нас всегда так: договорились, условились, но в последнюю минуту кто-то отменил прежнее распоряжение. А в исполкоме никого нет. Добивайся через райком.

Цифринович взволнован. Он, видимо, и сейчас еще не вполне уверен, что к прибытию колхозников общежитие будет приведено в соответствующий вид.

— Райколхозсоюз провел кампанию за мобилизацию на строительство калий-рудника полутораста колхозников-ударников, — рассказывает он. — Не будет помещения — дело это можно сорвать. А мы и без того не справляемся с промфинпланом.

...Вечером в кабинете происходило заседание ИТС. Глав-

ный инженер докладывал собравшимся установки промфинплана калийного строительства на 1931 год.

Контрольные точки строительства взяты в явно уменьшенных пропорциях, — говорилось в докладе. — Нельзя учесть всех «неожиданностей», которые грозят калийной промышленности в соликамских условиях, да еще в условиях недостаточного внимания к калию со стороны Всехимпрома, старое руководство которого немало тормозило и срывало темпы.

— Встречный промфинплан горняков, — закончил докладчик, — больше чем вдвое повысил намеченные цифры. Задача инженерно-технических работников — помогать его выполнению.

Часть инженеров известие о повышении промфинплана встретила ироническими улыбками.

— Ничего не выйдет из этого, — выступил после доклада молодой бритый инженер. Он говорил, волнуясь и неровно сбивая слова. — Ничего не выйдет. Встречную годовую программу добычи сырых солей нужно уменьшить минимум на сто тысяч тонн. Столько мы, может быть, вытянем, а иначе — план будет не реален, превратится в пустые разговоры.

На него ополчился председатель рудкома:

— Да вы поговорите с рабочими! Узнайте, что они скажут. А они говорят: вчера у нас было 170 ударников, сегодня — 250. Горняки не на словах, а на деле развертывают социалистический штурм. Мы точно подсчитали и пришли к выводу, что контрольные цифры надо выправлять, и мы выправим их на производстве. Я вношу предложение: объявить себя ударниками и закрепиться в калийной промышленности до конца пятилетки.

После споров инженеры приняли «встречный». Но на листке «закрепленных» написали только пятнадцать фамилий. Остальные «воздержались».

...Через дорожку в ограде — столовая. Здесь уже ничто не напоминает монастырской церкви. В алтаре-кухне новый властитель — повар. Чистые скатерти, цветы. Грохочет подъемник, подавая на второй этаж супы и рубленые котлеты.

Над кирпичной коробкой печи чернеет труба громкоговорителя. Она испортилась и, вместо музыкального аккомпанеента обедающим, издает хриплые лающие звуки.

Приехавший в конце сентября в Соликамск немецкий специалист-инженер, после обеда в «монастырской» столовой, улыбаясь, говорит:

— Я приехал в СССР строить здания и голодать, а теперь разочаровался.

— Не понравилось вам? Так скоро?

— Вы не поняли, товарищ, — улыбается немец. — Я разочаровался потому, что у вас совсем нельзя голодать.

Этот инженер выписывает «Роте' Фане» и закрепил себя до конца пятилетки на калийном строительстве.

Инженер плохо говорит по-русски. При встрече спрашивается:

— Вы коммунист? У вас в СССР много коммунистов, а такие, — он подымает руку на метр от земли, — такие — все коммунисты.

В 1928 году, по соседству с трестом, в теперешней столовой еще отправляли службы монахи. Трестовские инженеры сталкивались в ограде с черными клобуками. О церкви пеклась главнаука. И, только не разрушая внешний облик храма, разрешили «приспособить его под культурно-бытовые цели».

Но теперь внутри монастырской ограды только камни напоминают о монастыре. В разговорах звучат технические термины, присущие горнозаводской промышленности. Люди равнодушны к архитектурным цоколям и барочным украшениям 300-летних храмов. Старое хотя еще сохранило мертвенный облик, но оно уже безмолвно, как труп.

В ограде монастыря мачты трансляционной радиостанции, а на освобожденной от колоколов колокольне победно развевается оборванный с краев красный флаг.

Мы не хотим оспаривать у Истобенского монастыря его право на почетное место в истории. Это право он заслужил, связав свое имя с развитием калийной промышленности в СССР.

Новая история Истобенского монастыря выразительно

начертана на синих листах кальки, заключена в толстые томы «проходческих журналов».

В будущем промышленном музее Верхнекамья эта история займет одно из первых мест, рядом с выданными на поверхности земли первыми колонками калийных солей, рядом с потертым шахтерским костюмом.

Спуск в шахту

— Штейгер, шахту проветрили? Спустилась смена?

— Да! — Штейгер посмотрел на часы. — Уже десять минут, как в шахте.

Молодой инженер, коренастый горняк, стуча двойными подошвами тяжелых рудничных сапог по деревянному полу временного здания штейгерской, только что показывал нам образцы солей — сильвинитов и карналитов. Он доставал с полок молочнобелые куски сильвинитов, с вкрапленными в них прозрачносиними и серыми кристаллами каменной соли:

— Вот, посмотрите, какой богатый кусочек!

— С отвала? — мотнул головой Васильев, директор рудника.

— Оттуда, — улыбнулся инженер и, как бы оправдываясь, еще раз похвалил:

— Кусочек редкостный!

Изрытые дождями кристаллы сильвинита несколько не напоминали о том, что держишь в руках кусок растворимой в воде соли. Скорее это застывший бесформенный обломок молочноматового фарфора, способный выдержать крепкий удар.

— В этом куске не меньше 40—50 процентов чистой окиси калия, — поясняет инженер. — Такие куски не редкость в нашей шахте.

Потом он берет с полки кусок красно-бурой соли, — она, в отличие от сильвинита, настолько чувствительна к влаге, что разлагается в обыкновенном комнатном воздухе.

— Карналит,

Соль карналита менее эффективна: рыхла, под пальцами осыпается мелкими крупинками.

Инженер продолжает объяснять:

— Химический состав карналитов резко отличается от сильвинитов, — говорит он. — Главные составные элементы сильвинитов — хлористый калий и хлористый натрий, тогда как карналит — это соединение хлористого калия, натрия и магния. Соединение хлористого калия с хлористым магнием вредно для растений. При промышленной переработке нужно отделить магний, но он, в свою очередь, является ценным сырьем для химической промышленности. На первом руднике мы будем добывать только сильвинит.

Васильев — рабочий-горняк. Он взял с полки кусок бесцветной, совершенно прозрачной соли, повертел его в руках, попробовал на язык и сказал:

— Совершенно пригодна в пищу, а мы бросаем ее на отвал. Десятки тысяч тонн тают под дождем. Уж полгода тому назад я писал в Уральское облЗУ: используйте, мол, хоть часть в скотных кормушках или при закваске силоса. Никакого ответа! А у нас — эта соль ненужный балласт.

Соляная свита в наших залежах исчисляется десятками миллиардов тонн, — сообщил инженер.

— А вот вы говорили, что кристаллы каменной соли имеют форму куба, — рассматривая хрусталивидный кусок, обратился к инженеру Васильев. — Видите, вот здесь — форма усеченной пирамиды.

— Конечно, куб. Правильно образованные кристаллы...

Инженер быстро изложил теорию кристаллизации соли. Он сообщил, что кристаллы поваренной соли (хлористый натрий), обычно заключающие в себе частицы маточного рассола, при нагревании растрескиваются; если же кристаллизация происходила при температуре 10 градусов выше нуля, то обычно кристаллы соли соединяются в шестисторонние таблички, что и может ввести в заблуждение.

На калийном руднике много говорят о соли. Вся техника строящихся предприятий подчиняется добыче и переработке солей. Каждый рудник — сложный комбинат, в котором сырые соли должны перерабатываться в ценные удоб-

рительные туки, обогащаться. За копром второй шахты, на отвале, соль лежит сероватой бесцветной массой, напоминающей крепостные валы средневекового города.

Указывая на меня, инженер обратился к штейгеру:

— Дайте товарищу одежду и покажите шахту!

Инженер торопится уйти. Его вызвали в механический цех. Перед уходом он кривым неразборчивым почерком что-то записывает в журнал.

Мы со штейгером идем в уборную. Там, по стенам, образуя правильные квадратные клетки, расставлены шкафчики с прозодеждой горняков. На каждого рабочего отдельный шкафчик. Жарко натоплено. В углу умывальник, за ним белые эмалированные ванны.

— Каждый день горняки принимают ванну? — спрашиваю у женщины, охраняющей это «надземное» имущество шахтеров.

— Какое там! — общительно смеется она. — Не любят. Вон тут, — машет она рукой за стенку, — баня там у нас...

Одеваю шахтерский костюм. Широленные резиновые брюки, тяжелые сапоги, резиновую куртку, с деревяжками вместо пуговиц, и такую же шляпу, с опущенными сзади полями. Наверно в этом костюме моя фигура кажется очень смешной и неуклюжей. Ловлю снисходительную улыбку штейгера:

— В таком виде можно и в шахту, — говорит он.

Неуклюжесть и громоздкость шахтерской прозодежды только кажущаяся. На самом же деле мой костюм легок и эластичен. Он не связывает движений — точно не чувствуешь его на себе. Тело как бы заключено в легкую, но непроницаемую броню, в которой нисколько не страшно умереть 260-метровую глубину прикрытого высоким копром ствола шахты.

Проходим открытое пространство от штейгерской до копра. Несмотря на солнечный свет, внутри копра — электрические фонари. Ровными линиями уходят вверх стальные тросы. Низенькая наружная дверь почти не пропускает света. Обшитое досками временное здание копра — прохладный вестибюль у входа в соляное царство.

Около спуска молодой механик.

Бадья мирно покоится, опустившись на тяжелую, скованную железными полосами крышку шахты. Приподымаюсь на руках и перебираюсь через дубовый обод. Штейгер зажигает аккумуляторную лампу и командует:

— Спускай.

На руднике все делается четко и дисциплинировано. Здесь люди серьезные... Часовые на посту. Недра земли капризны и полны неожиданностей. В штрек, пробитый в соли, каждую секунду может вытечь сжатый в каком-либо тайном гнезде метан, углекислый газ... Воздух штрека наполнится ядом.

Здесь без передышки работают мощные электрические вентиляторы.

Но шахтер — оптимист. Он приучился жить рядом с опасностью и не замечать ее.

Бадья приподымается вверх. Под нами неслышно открывается тяжелая крышка шахты, и мы медленно-медленно погружаемся в темный круглый провал ствола.

Сверху еще проникает электрический свет. Диаметр ствола — пять метров.

В шапте № 2 сверху донизу — ни одного полка, ни одного перекрытия.

— Эту шахту строили немцы, — сообщает штейгер. — Они проходили способом замораживания, а мы, в первой, применяли цементацию.

— Немецкий способ лучше? — спрашиваю его.

— Как вам сказать? — немного подумав, отвечает штейгер. — Все зависит от условий проходки. Замораживание в строительстве шахт у нас применялось впервые.

— А вы давно на руднике?

— Да почти с первого дня.

Бадья мчится быстрее. Вокруг тьма. Путь вниз — свыше четверти километра. Навстречу — струя холодного воздуха, пропитанного парами соли. Что-то надавливает на уши. Свет от лампочки штейгера скользит желтоватыми отблесками по чугунным кольцам туббингов. За туббингами — твердые и мягкие породы и... вода — укрощенный зверь,

самый опасный враг соляной шахты. Голос штейгера звучит глухо. Как будто тот отодвинулся от меня и скользит где-то по самой стенке тюббингового кольца.

Мы уже не спускаемся вниз, а летим. Вспоминаю, что наш путь — 260 метров. Штейгер мчится к себе, в свою соляную стихию, а я — гость. Меня влечет туда любопытство. От этой мысли становится немного стыдно.

Наконец забрезжил свет снизу. Кольца тюббингов давно сменились бетонитовой кирпичной кладкой. Тюббинги установлены до 130-го метра от поверхности. Тросы упорнее сдерживают лет бадьи. Наконец она остановилась, ловко причалив к широкой доске на дне шахты. Со стенок ствола редкими каплями падает вода. Осыпанная солью доска кажется облепленной слякотным снегом.

Высаживаемся на землю... Нет, не на землю — здесь нет земли. Со всех сторон нас окружает соль. Яркие электрические лампы на дне шахты потеряли обычный свой блеск.

Но оказывается и здесь, под землей, живут люди. Ясно вижу я шахтерские шляпы и быстро мелькающие руки, откидывающие железными, загнутыми с краев лопатами вырубленную и вырванную аммоналом соль.

Западный и восточный квершлагги, должны в дальнейшем образовать широкую петлю, проходятся пластами каменной соли. Мы находимся ниже главных пластов сильвинитов. Подземная галерея вырубается по горизонтальному направлению, с тем чтобы пересечь лежащие наклонно пласты сильвинита. Шахта еще не эксплуатируется. Вырванная и вырубленная соль бадьями выдается наверх. Система белых линий на кальке у инженера, наверху в штейгерской, здесь превращается в сложный, но четкий лабиринт подземных ходов, зал. Тут поместятся механические установки, протянутся рельсы электричек: строится рудничный двор — «подземный вокзал», как называют его горняки. Рудничный двор соединит обе шахты первого рудника. Шахта № 1 — основная, эксплуатационная. Сейчас она закрыта, и над ней воздвигается из железобетона и кирпича мощное надшахтное здание. Шахта № 2 — вспомогательная, вентиля-

ционная. Каждые сутки галлерей квершлага удлиняются на шесть метров. Когда забой пересечет пласты сильвинита, будут заложены штреки для эксплуатации.

Штейгер Терентьев, с которым мы спустились в шахту, справившись у рабочих о ходе работ, идет в забой. Он коренаст, неповоротлив, но какая-то уверенность и ловкость чувствуются в каждом его движении. В этих движениях — жизнь шахты. Каждый пласт соли здесь ошупан и оглажен не раз его рукой. Сейчас работает его смена. На дне шахты он командир.

Иван Андреевич Терентьев почти четверть своей жизни провел под землей. По происхождению — уралец, сын рабочего Верхнетагильского завода; Иван Андреевич 12-ти лет начал работать на Калатинских рудниках, добывая медную руду. Проработал в Калате 14 лет, потом на платиновых рудниках, в Егоршинском каменноугольном бассейне, снова в Калате... и с 1928 года — на проходке калийной шахты. На калийный рудник Терентьев пришел еще в то время, когда на проходке работал конный ворот, — первая шахта была пробита в глубину на 16 метров.

Пришел сюда Иван Андреевич квалифицированным забойщиком, но скоро был выдвинут на должность десятника. В 1929 году — он на краткосрочных горняцких курсах. После — горный штейгер.

Штейгер Терентьев — выдвиженец. Ему 42 года. Он еще молод.

— Подготовочка у меня слабовата, — жалуется он. — Раньше-то ведь только «Бову королевича» приходилось читать, а теперь вот учусь. Выписываю «Рабфак на дому». Другим человеком себя чувствую.

В сентябре штейгер Терентьев вместе с группой других работников калийного рудника получил командировку за границу и уехал на два месяца в Германию, чтобы приобщить к своему 25-летнему опыту горных работ германскую технику разработки калийных солей.

По сторонам серо-желтые стенки квершлага. Громко шумит мотор электрического вентилятора. Пласты соли, в которых идет квершлаг, не нуждаются в креплении...

вокруг ни одного куска дерева. Соль лежит мощной целинной массой, она тверда и вязка. Желтые, серо-зеленые, бесцветные пласты при свете аккумуляторной лампочки тускло сверкают вокруг блестками кристаллов. Точно снег в холодную лунную ночь. Кое-где, между пластами соли, замороженной кровью разбегаются жилки сильвинитов. Здесь они окрашены окисью железа и потеряли свой молочный цвет.

Острием кайлы штейгер отбивает красноватый кусок. Содержащая калий соль тверда и напоминает не растворимый в воде минерал, а кусок гранита.

Сильвинит.

Из-за него так глубоко сверлят землю; дробят ее пневматическими лопатами и отбойными молотками, прокладывают подземные лабиринты ходов, взрывают мирно пролежавшие миллионы лет пласты соли — осадки великого когда-то Пермского моря. Люди пришли сюда вооруженные электрическими перфораторами, в пробурованные скважины закладывают разрушительные патроны. Подземный грохот взрывов глухо выносится на поверхность. Легкой судорогой, точно от боли, вздрогнет земля, отдавая часть своих сокровищ.

«Подземный вокзал» — центр будущего подземного города. Отсюда сильвинит будет выдаваться на поверхность земли, перемалываться, обогащаться... В баржах и вагонах помчится молочнобелая соль на необъятные советские поля, чтобы полновесными урожаями наполнить склады, амбары и элеваторы.

Шум перфораторов заглушает человеческие голоса. Рабочий направляет бур в стенку забоя, и бур, вгрызаясь в соль, готовит гнездо для закладки снаряда.

— В сутки проходим шесть метров, — кричит Терентьев. — Полтора метра за смену.

Высверленные гнезда снарядов напоминают большие червоточины. Воздух в шахте тяжелый и спертый. По квершлагу вдали желтеют точки электрических ламп. Рельсы временной узкоколейки положены прямо на соль и по ним визжат подталкиваемые откатчиками груженные солью вагонетки.

Забойщики не разговаривают с посетителями. Они штурмуют соль. Задача — к весне 1931 года выдать 65 тысяч тонн сильвинитов, закончить к тридцать второму году механизацию шахты. Это требует большого напряжения, ударных темпов. Нужно победить соль, проложить широкие пути к калию, чтобы отсюда, из глубины соликамских недр, выбросить его на жаждущие поля.

Однако пора подыматься наверх. Иван Андреевич уже дал сигнал опустить бадью. Не хочется покидать подземного соляного дворца.

В шахте не прощаются. Перед «до свидания», «прощайте» и даже перед таким неопределенным, как наше «пока», горняки испытывают некоторый суеверный страх. От немцев на калийном руднике осталось своеобразное приветствие — «Glückauf». Горные предприятия в Германии даже в официальных бумагах пишут: «Mit bestem Glückauf». Наши горняки переводят немецкое «глюкауф» — «счастливо наверх».

Иван Андреевич подает руку, «прощается».

— Счастливо наверх! — улыбается он. — С вами съездит Петров.

Иван Андреевич остается в шахте. Снова стою в бадье. Рядом — молодой сухощавый шахтер, лицо его улыбается, неясно серея в полутьме, точно он рад неожиданному путешествию «наверх».

Тронулись. Струя холодного воздуха бьет теперь откуда-то сверху, из темноты. Мой сосед наводит на стенку ствола свет аккумуляторной лампочки и, указывая на застывшие мощной крепью кольца туббингов, говорит:

— До сих пор туббинги привозят из-за границы. Тратятся огромные деньги, и задерживается проходка новых шахт. А наши заводы не занимаются этим производством. Настоящий бюрократизм! — возмущается он.

Не знаю, что задерживало до сих пор изготовление туббингов на наших заводах — бюрократизм или другое что, но при проходке калийных шахт, когда приходится пересекать водоносные породы и маточные рассолы, при необходимости сохранения шахты «сухой» — металлические

туббинги — совершенное средство для создания монументальной, водонепроницаемой крепи. Цемент, сдерживая породы, пропускает воду, кольца металлических туббингов изолируют то и другое.

В калийном тресте есть сведения, что к производству металлических туббингов сейчас приступает Надеждинский завод. Шахты второго рудника предполагают закрепить туббингами советского производства.

Бадья летит вверх. Так же, как и при спуске, ход замедляется только перед остановкой. Выскользнув наружу, подтягиваемся повыше. Под нами опускается крышка ствола. Теперь безопасно, можно выходить.

Спутник мой снова помчится туда, в соль, а я в жарко натопленную штейгерскую, чтобы снять с себя шахтерский костюм. Только сейчас я заметил, что с полей шляпы к моим ногам стекала вода.

На земле, вместо давешнего солнца, в воздухе мелькает пушистый снег. Сердится суровый Урал, что непрощенные гости потревожили его тысячелетний сон: бурят недра, возводят из стали, цемента и кирпича гигантские постройки, отравляют дымом рудничных труб пропитанный запахами сосновых смол воздух.

Устало перекликаются холмы эхом рудничного гудка.

Листки календаря в комнате партколлектива показывают начало сентября

Первый „башмак“

О первых трудностях проходки шахт теперь на калийном руднике рассказывают с улыбкой. Рассказчики — сами строители. Прошлое для них — «пустяки», то, о чем можно поговорить в часы досуга, а досугов нет. Сегодня еще будни. Сегодня на очереди борьба с прорывами на каком-либо участке строительства; сегодня кипит борьба за сто-процентное выполнение встречного промфинплана.

Прошлое! Но когда это прошлое кричит о героике прожитых дней, когда оно передает накопившийся опыт, волнует и зажигает к новым боям, к преодолению еще более

грудных препятствий, — тогда его нужно вспоминать; по крайней мере, нужно рассказывать о нем в книгах.

Первую шахту заложили осенью, на берегу речки Черной, в широкой впадине между холмами. До наступления морозов, злых уральских морозов, когда с лёту падают на снег замерзшие воробьи, надо было скорей уйти глубже в землю, использовать ее внутреннее тепло.

Кто-то из корреспондентов, писавший очерки о советском калии, видимо, не выезжая из Москвы, придрался к названию речушки — «Черная» и охаял место рудника как топкое, непроходимое, «черное» болото.

Беда с этими корреспондентами! Живописные, покрытые лесами, склоны Урала способны они превратить в болото, гибель от собственного неумения — в геройство, трудовые будни — в загородную прогулку.

Через Соликамскую горку, мимо рудника проходит тракторная дорога на Усолье. Древняя «государева» дорога. На горе, вклиниваясь боком в хвойную чашу, — «новое» кладбище. Среди крестов — красные столбики с приколотенными к ним красными же пятиконечными звездами.

Красные столбики и звезды на могилах в роще крестов — наивная дань растущему новому Соликамску.

Теперь по тракту от города до поселка «Калинец» — яркие электрические фонари. Ночью здесь светло, как на Тверской у памятника Пушкину. Около дороги — просекая леса — столбы электрической и телефонной передач. В роще у кладбища — досчатый сарай — летний театр. Сама роща носит громкое название — «Парк культуры». Дорога оживлена близостью большого индустриального строительства.

Три года тому назад, за Черной, по обеим сторонам дороги, на холмах стояли густые леса. По дороге тянулись редкие повозки. В лесу шумел непуганный ветер, и разносился стук дятла. В темные осенние ночи, проваливаясь в рытвины, на дороге бранились идущие от Черной в город, отработав смену, надземники и углубщики.

Работали в невыносимых условиях. Суров зимою северный Урал. В осеннюю же слякоть Соликамск был почти отрезан от мира. А в то время о калии знали еще только

понаслышке. Многие не верили в мощь открытых залежей. Строителям шахты, побеждая природу, пришлось пробивать недоверие к калийной промышленности. Не хватало рабочих, не было специалистов.

На работу по проходке шахты приехала группа донбассовцев. На первых порах уральские «старожилы» встретили донбассовцев недружелюбно. Точно боялись они, что те отвоюют себе честь открытия соликамских недр. Начались трения.

— Теряем зря время, — говорили тогда. — Разве можно пройти шахту с таким оборудованием? Без использования иностранной техники работа невозможна. Нужно остановить проходку.

Недовольные группировались вокруг помощника главного инженера, бывшего руководителя соликамской рудничной колторы, Вайполина. С переездом треста контора ликвидировалась. Вайполин потерял прежнюю самостоятельность.

Вайполин ухитрился работу в Соликамске совмещать с преподавательской должностью в Ленинграде. Имея две «службы», географически разделенные двумя тысячами километров, при трудных верхнекамских сообщениях, он чувствовал себя в Соликамске на положении гастролера. И когда в разгар проходческой работы он предъявил требование о трехмесячной командировке его в Ленинград...

Пришлось освободить помглавинжа от работы на калийном руднике.

В первые же месяцы на руднике произошел «естественный отбор» сил. Остались те, кто поверил в возможность разработки соликамского месторождения калия, кто твердо решил отдать свои силы новому делу.

В забое на Черной хлестала вода. Ручные насосы захлебывались и не успевали откачивать ее на поверхность. Прозодежда промокала до нитки. Горняки подымались на поверхность в холод — негде было даже просушить намочшую одежду.

В самом начале наткнулись на плавуны. Жидкая грязь угрожала уничтожением результатов затраченного труда. Но горняки дали бой. Ведрами, пригоршнями, шапками чер-

пали грязь; работали днем и ночью... Победа оказалась на стороне людей.

Когда заложили первый «башмак» и возвели мощное кольцо бетонной крепи, был тогда праздник горняков. Они одержали победу над плавунами, над верхними водоносными породами. Казалось, что дальнейший путь пойдет уже без зацепок и неожиданных «каверз» природы.

Ручной ворот заменили конным. На смену конному пришла паровая лебедка. Ниже спускались углубщики. Железные кольца временной крепи заменялись бетоном. Пять — восемь тысяч ведер в час выливалось в шахту воды. Насосы с трудом откачивали ее на поверхность. Бадьи вытягивали породу. Шахта № 1 росла вглубь. К апрелю 1928 года заложили «башмак» на глубине 41 метра.

Путь от 41 до 60 метров

В истории проходки шахты № 1 первого калийного рудника путь от «башмака» на горизонте 41 метра до горизонта 60 метра записан кровью шахтеров. Тут горняков-калийцев постигла первая крупная неудача.

В начале мая в шахте заметили сероводород. Быстро произвели вентиляцию. Обошлось без жертв.

Крепление производили способом закладки на дне пройденного участка «башмака» и потом одевали шахту в прочную бетонную броню. Броня подтягивалась до последнего верхнего «башмака»; закрепившись — углублялись дальше.

«Башмаком» горняки называют нижнее основание бетонного крепления пройденного участка. Диаметр ствола при проходке — шесть метров. Углубка производится участками от пяти и больше метров, в зависимости от состояния пород. Углубляясь, горняки укрепляют стенки ствола временной крепью — железными швеллерными кольцами, которые подвешиваются одно к другому на расстоянии около полуметра. Кольца укрепляются деревянными затяжками. Приближаясь к концу намеченной заходки, ствол шахты начинают расширять. Диаметр последних четырех колец

последовательно увеличивается до 8 метров. Расширенный ствол шахты («башмак») служит основанием для возведения бетонного крепления участка. Ниже очередного «башмака» проходка начинается снова с диаметра в шесть метров.

...Приглашенный для консультации проф. Скачинский, «посоветовавшись» с немецкими специалистами, дал заключение:

— В данных породах возможна единовременная заходка на глубину 20—30 метров с временной крепью, без закладки «башмака».

Авторитетное, научно-обоснованное заключение профессора Скачинского дало повод для повышения быстроты проходки шахты. От горизонта 41 метра решили провести углубку с временной крепью на 20 метров до следующего «башмака». Приступили к работе в апреле 1928 года.

Потоками в шахту лила вода. Падая сверху на железные листы, которыми прикрывались углубщики, она усиливала грохот инструментов и шум насосов. Три насоса тянули свои трубы ко дну шахты: два из них вылебывали воду, а третий — в резерве. Грохот заглушал человеческие голоса. В шахте можно было только кричать.

Прозодеждой служили парусиновые куртки и такие же брюки. Костюмы промокали через час после спуска в шахту. Вода принесла болезни. Простуженные углубщики, вместо забоя, сидели в бараках. Смена — восемь человек, а на работе в забое часто — три-четыре человека.

В начале мая с работы на руднике снялась партия квалифицированных углубщиков. Спешно приучали к углубке надземных рабочих. Темпы падали. Заходку в двадцать метров тянули со скоростью около метра в сутки.

Больных шахтеров утешали тем, что в Москве заказана резиновая прозодежда.

Углубщики в шахте осаждали штейгера.

— Какой леший заказал эти игрушки? — указывали они на швеллерные кольца временной крепи. — Как можно крепить десятым номером. Каждую секунду жди обрыва.

От последнего «башмака» углубились на 12 метров. Углубщик Галаушкин поймал сменного инженера Пучкова:

— Товарищ Пучков, когда будем «башмак» закладывать? Пора!

Тот отмахнулся:

— В этих породах можно пройти двадцать метров. Безопасно.

— Ну, хорошо, пройдем двадцать, но тогда надо ставить более толстые кольца... подвески тоже ненадежны.

— Какой длины подвески?

— Ставим семь десятых метра, а толщина в палец. Не выдержат при таком грузе. Шахту вместе с народом засыплет.

Пучков — молодой инженер — поморщился. Вспомнил, что он уже писал рапорт помощнику главинжа по горной части, инженеру Ростовцеву, перед которым настаивал на сохранении подвесок в шесть десятых метра с сечением не менее дюйма. При переговорах Ростовцев согласился с его доводами, но, оказывается, что приказания ставить удлиненные подвески не отменил. Пучков не подал вида, что его встревожило сообщение Галавушкина, и пошутил:

— Не засыплет, товарищ Галавушкин. Породы крепкие.

На горизонте 17 метра приступили к устройству «башмака». Когда поставили первое кольцо, штейгер Рябов спросил сменного инженера Шилова:

— Сколько колец еще будем вешать?

— Четыре.

Разговор происходил на дне забоя. В грохоте слова долетали еле слышно. Услышав ответ, Рябов не выдержал:

— Смотрите, чтобы вас не стошнило!

Но Шилов отвернулся, не услышав последнего восклицания. Он взял кайлу и попробовал крепость пород в стенке забоя.

Шилов только что приехал на калийный рудник. Окончив уральский политехнический институт по горному отделению, он еще не защитил дипломной работы и явился сюда без официального звания горного инженера. Шахта пересекала переслаивающиеся глинами мергеля. При медленном темпе работы глубокая заходка создавала боль-

шую опасность. Устойчивые в начальный момент после вскрытия свежие мергеля, при омывании их водой, размягчались.

По правилам шахтного искусства при прохождении забоя в породах сомнительной крепости необходимо устанавливать строгое наблюдение за их состоянием, регулярно производить лабораторное исследование пород и особенно внимательно следить за временной крепью. Из разговоров с другими сменными инженерами Шилов узнал, что лабораторного исследования проходимых пород не производилось ни разу. И у него, как и у работающих в шахте горняков, зарождались сомнения насчет устойчивости применяемых для временного крепления швеллерных колец № 10 и тонких, слишком длинных подвесок. Но в проходческом журнале было записано распоряжение инженера Ростовцева, которым устанавливался порядок временного крепления.

Горное дело требует строгой дисциплины. Произведенный сейчас Шиловым осмотр ствола и временной крепи не вызвал сомнений. Породы и кольца лежали спокойно.

Шилов хотел было уже подняться наверх, но в это время к нему снова подошел Рябов:

— Товарищ Шилов, — кричал Рябов, наклоняясь к инженеру, — обратите внимание: на горизонте 23 кольца подмыло затяжки.

Осмотрели повреждение. Поднявшись наверх, Шилов отдал распоряжение немедленно исправить ослабевшую крепь.

...13 мая, в 6 часов утра Шилов вновь принял шахту от сменного инженера Томзина. Церемония передачи шахты одним сменным инженером другому напоминает передачу вахты на корабле. Сдающий шахту инженер записывает в проходческий журнал произведенные за его смену работы, иногда добавляет к своей записи несложный чертеж, показывающий состояние шахты в момент передачи, и сообщает порядок дальнейших работ.

В шахте заканчивалась подготовка «башмака» и производилась подбивка боков для установки последнего вре-

менного восьмиметрового кольца. К углубке последней заходки от горизонта 41 метра приступили 20 апреля в 20 часов. К 13 мая прошли 19,27 погонных метров. Последнее восьмиметровое кольцо закладывалось на горизонте 60,35 метра.

При нормальных условиях работы срок углубки должен был продолжаться не больше 15 дней. Но обилие невыходов, уход с работы бригады квалифицированных углубщиков, снявшейся в ответственный момент — перед закладыванием «башмака», — удлинит срок и увеличили опасность состояния забоя.

При передаче шахты утром 13 мая инженер Томзин передал распоряжение:

— Закончить подбивку боков в «башмаке», выдать 10—15 бадей и ставить следующее кольцо диаметром в восемь метров. Кольцо можно будет поставить через час-полтора. В забое все спокойно, кольца временной крепи в порядке.

В 7 часов на шахту позвонил помощник главного инженера. Он спросил:

— Кто сегодня сменный?

— Шилов.

— А-а... здравствуйте! Говорит Ростовцев. Ну, как в забое?

— Все благополучно, товарищ Ростовцев. Выдаем последние бады. Сейчас приступим к установке восьмиметрового кольца.

— А-а... продолжайте! Часам к двенадцати я заеду.

...Из шахты выдавали сменяющихся промокших и продрогших углубщиков. Штейгер Перцев, похожий в своем брезентовом измазанном глиной костюме на большого оципанного петуха, наскоро пожал руку сменяющему его штейгеру Бурмантову и пошутил:

— Воды сегодня, японский бог, — купаться не надо! — Пять тысяч с лишком ведер в час.

Только что поднявшийся с постели Бурмантов поежился от утреннего холодка.

— Не зубоскаль, Перцев! Как дела в шахте?

— Де-ла?.. — протянул тот, — не беспокойся, все хорошо. Никаких изменений ни в крепи, ни в породе. Подберете бока в «башмаке» и — точка. Кто у вас сменный?

— Шилов.

— Ах, этот... ну, ничего, валяйте!

Перцев побежал в штейгерскую обогреться. Бурмантов ступил в бадью и «поехал» в шахту.

Углубка башмака производилась в пластах твердых глин, но выше — трещиноватые мергеля давали обильный приток воды. Вода проникала в шахту и из более верхних закрепленных пород. При возведении в водоносных породах постоянной бетонной крепи, в бетоне нередко потом обнаруживались свищи, встречались резкие границы бетонированных звеньев. Вода протачивала ходы в бетоне и лилась в шахту. Насосы с трудом справлялись с отливкой. Насосы старые, не приспособленные к столь обильному водоотливу. Иногда они «бастовали», требовали ремонта. Рабочие-углубщики, выходя из шахты, неизменно награждали нелестными эпитетами водоотливные машины. Вопрос о насосах и слабом техническом надзоре за ними поднимался на всех производственных совещаниях. Чем глубже уходила шахта в недра земли, тем грознее становилось положение с водоотливом. Шахте каждую минуту угрожала авария.

На последнем производственном совещании, когда заговорили об опасности дальнейшей углубки со слабыми насосами, представители администрации утешали:

— Чего вы волнуетесь, товарищи! Трестом уже заказаны мощные электрические насосы, производительностью в десять тысяч ведер в час.

— А где вы возьмете энергию? — кричали с мест.

— Когда закончится постройка энергостанции, насосы включатся в работу.

— Ха-ха-ха! Едет улита, да когда-то приедет! Покуда собираетесь ставить новые насосы, шахту затопит.

Говоривший о насосах инженер Ростовцев не стал спорить и вышел с собрания... покурить.

...Брезентовые костюмы почти не защищали от воды.

Стекая за воротник, она смачала лихорадила тело, но

постепенно к ней привыкали. Согревались движениями за работой.

Бурмантов поставил в забой углубщиков и указал, как производить подбивку боков в «башмаке». Шестисотсвечевая лампа бросала в забой рассеянный свет. Брызги воды, пролетая около лампы, окружали ее радужным искрящимся колпаком.

Бурмантов поднялся вверх и осмотрел крепь. Железные кольца всюду плотно прилегали к стенкам шахты. Порода не давила на затяжки. Бурмантов спустился на полок донщика у насосов и достал папиросу.

— Товарищ Новожилов, — спросил он, — справимся сегодня с водой, как ты полагаешь?

— Покуда справляемся, — прокричал тот. — Чортова гибель ее — льет, как из омута.

Неожиданно потухла нижняя лампа. Бурмантов вызвал по рупору электромонтера и попросил его подать новую лампу. Снизу на полок донщика неслись крики углубщиков, но за шумом насосов и грохотом воды о железные листы нельзя было разобрать слов. Наверху не оказалось сильных ламп. Электромонтер привез 75-свечевую «коптилку». Нужно было достать верхнюю лампу, переставить ее в нижний патрон, а новую вернуть на ее место. Бурмантов, придерживаясь за кольца, поднялся по затяжкам и переменил лампу.

Подборка «башмака» заканчивалась. На поверхность выдавали последние бадьи породы. Старший артели углубщиков сообщил штейгеру, что можно опускать кольцо. Бурмантов еще раз осмотрел забой и подошел к рупору:

— Эй! Спускайте кольцо! Подборку кончаем!

На поверхности засуветились. Кольцо погрузили в бадью и приготовили к спуску.

...Углубщик Пенкин подтолкнул руками поползшую вверх последнюю бадью и выпрямился. Испытывая удовлетворение после законченной трудной работы, он подумал о том, что теперь, пожалуй, не мешало бы закурить. Над головою его уходила вверх стройная система колец временной крепи и белели доски затяжек. В ожидании кольца углубщики

складывали инструмент, выпрямлялись, вытипали жуки. Бурмантов разговаривал с донщиком, в зубах его тлела папироска.

Пенкин достал из-за пазухи жестяную коробку, в которой у него хранился табак. Глаза его привычно-настороженно шарили по стенке шахты. Проходя последние метры этой большой заходки, Пенкин, как и другие углубщики, нервничал, опасаясь за состояние пройденных пород и за устойчивость крепи. И сейчас ему показалось, что в первом от низу кольце начинают слабеть доски затяжек. Пенкин бросил незакуренную цыгарку, подскочил к опасному месту и крикнул:

-- Ребята, скорей сюда! Затяжки слабнут.

Оказалось, что и на самом деле ослабели три доски. Пенкин подхватил их руками. На помощь ему спешил другой углубщик — Перминов. Тот, осмотрев кольцо, ударил балдой по затяжке, стараясь ее закрепить.

Шахта точно ждала этого удара. Западная стенка временной крепи быстро осела вниз, перекосив полук донщика. Видимо, где-то оборвались подвески. Вверху раздался оглушительный треск, словно разорвалась брошенная кем-то ручная граната. В шахту, вместе с породой, посыпались затяжки, кольца. Стенка западной стороны прогнулась в шахту и придавила насосы.

Пенкин отскочил к лестнице. В этот момент сорвавшаяся подвеска упала ему на плечо. Перед глазами метнулась куда-то в сторону радуга лампы. Он упал. Но сознание опасности пересилило боль. На дне забоя стала быстро накапливаться вода. Пенкин добрался до лестницы и подтянулся на ступеньках.

Авария произошла неожиданно. Только что закончив углубку «башмака», находившиеся в шахте углубщики готовились к установке последнего кольца. Порода, вырвавшаяся из западной стенки, за насосами, лавиной сыпалась на дно. Бурмантов в первое мгновение растерялся. Он видел, как донщик, ухватившись за трубу насоса, прыгнул с перекосившегося полка, перебрался по плахам к лестнице и быстро пошел наверх.

Обвал продолжался. Бурмантов вскочил в бадью и крикнул:

— Спасайтесь!

Пропустив мимо себя углубщиков к лестнице, он последним покинул забой. Лампа разбилась. Грохот породы в темноте еще больше усиливал страх опасности. Насосы не работали. Шахту заливала вода.

Добравшись до полков бетонного крепления, Бурмантов спросил:

— Товарищи, все налицо?

— Все.

Он посмотрел на ползущих вверх углубщиков. В своих брезентовых костюмах они напоминали больших серых жуков. С тяжелым чувством, как будто сам он был виновником неожиданной аварии, Бурмантов вслед за углубщиками стал подниматься наверх.

...Шилов стоял у спуска в шахту и наблюдал за погрузкой кольца. Бадью приготовили к спуску, ждали только сигнала углубщиков. В это время, неожиданно из шахты показалась голова донщика. Тот быстро выскочил на поверхность. На бледном лице застыло выражение испуга.

— Товарищ Шилов, в шахте обвал,— с трудом выговаривая слова, сообщил он.

Не спрашивая о подробностях, Шилов позвонил помощнику главного инженера и сообщил о происшествии.

Рабочие наверху сгрудились около углубщиков, спрашивали: что произошло в шахте. Но те сами не знали ни причины обвала, ни его размеров. Они отделялись неопределенными короткими ответами на вопросы. Справившись, все ли спаслись, Шилов приказал освободить бадью. Быстро выгрузили кольцо. Шилов, войдя в бадью, велел спускаться в шахту.

Нехотя, медленно стал раскручиваться канат. Тьма под бадьей гудела. Можно было подумать, что в забой поставили и пустили в ход гигантскую бетономешалку. Свет аккумуляторной лампочки тускло освещал бетонные стенки ствола. Опускаясь вниз, Шилов внимательно всматривался в глыбы. Одиночество еще больше усиливало чувство опасности

и тревоги, точно он заблудился в безлюдной тайге в бурную грозовую ночь.

Бадья прошла мимо последнего «башмака» бетонной крепи. Широв дал сигнал. Опустившись еще несколько метров, бадья остановилась. В шахте, на высоте пяти-шести метров от забоя, летели вниз затяжки и порода. С прежней неутомимостью лилась вода. Внизу ничего нельзя было рассмотреть, но спускаться ниже казалось опасным. Широв только заметил, что обваливающиеся породы все больше зажимали насосы. Поднявшись наверх и выходя из бадьи, он приказал:

— Скорей разбалтывать флянцы у труб насоса № 2 и поднять его на поверхность.

Из Соликамска приехал инженер Ростовцев. Ознакомившись коротко с положением дела, он отдал распоряжение остановить покуда работу по выемке насосов и вместе с Шировым по лестничному отделению спустился в шахту. Они добрались до ближайшего под последним «башмаком» бетонной крепи полка. Внизу продолжался гул. Слышно было, как падали в воду затяжки и куски породы. Но, насколько вниз хватал глаз, во временной крепи было незаметно никаких разрушений.

Наверху Ростовцев приказал снова остановить насосы и готовиться к их подъему.

Когда через некоторое время на рудник прибыл главный инженер, гул обвала еще не затих. Подбегая к шахте, главный инженер спросил Ростовцева:

— Димитрий Семенович, насосы... насосы вынули?

Услышав отрицательный ответ, он заволновался:

— Ведь мы же теперь обезоружены! Если засыплет насосы, — вы понимаете, что это значит? Прошу немедленно выдать их на поверхность.

В шахте прибывала вода. Подъемка насосов не удалась. Обрушившиеся породы сдавили их. Удалось только поднять на одну трубу № 2, остальные же почти совершенно не подались.

На созванном немедленно экстренном совещании технического персонала с участием квалифицированных углубщи-

ков было решено подтопить шахту для того, чтобы поднявшаяся вода своим противодействием остановила дальнейший обвал.

В тот же день созвали другое экстренное совещание технического персонала, правления треста, представителей партийной и профсоюзной организации и проходчиков. На этом совещании приняли решение о забучивании шахты. В протоколе говорилось:

«Принять немедленные меры к засыпке шахты гравием и глиной с отвала, дабы этим создать противодействие со стороны шахты и этим предотвратить дальнейшие обвалы пород из-за временной крепи».

Решили засыпать около 10 метров.

Мобилизовали весь наличный штат рабочих и служащих. Посыпались в шахту гравий и глина. Работали не останавливаясь, с каким-то ожесточением, точно обороняясь от невидимого врага.

Авария нарушила все планы. Нужно было удивляться, с каким самообладанием производилась работа, уничтожавшая плоды долгих и упорных трудов. Лопата за лопатой сыпались в шахту кубометры балласта. Природа жестоко отплатила за то, что не рассчитали длину заходки: отплатила за тонкие, недостаточной крепости кольца, за удлиненные подвески, за то, что мало наблюдали за стенками шахты.

Данные консультации профессора Скачинского на практике оказались вредными для шахты. Работа временно замерла. Буржуазные газеты, захлебываясь от восторга, доказывали невозможность для СССР своими силами справиться с организацией добычи калия, объявляли «большевистской сказкой», выдумкой калийные богатства Урала.

Наблюдение за состоянием шахты установило, что на поверхности воды все еще продолжается выбулькивание. Очевидно происходят местные обвалы. Необходимо было предотвратить угрозу, которая создавалась для постоянной бетонной крепи. Чтобы не подвергать риску крепление, на второй день после аварии решили забутить еще два-три метра ствола.

17 мая на расширенном заседании правления с участием представителей Уралоблсовнархоза главный инженер докладывал:

— ...Авария выразилась в форме вывала породы из-за стенки временной крепи на горизонте 3—5 метра от забоя, в полосе мягких пластичных глин, залегающих между плотным глинистым мергелем — снизу, сильно скварцеванным мергелем — сверху. Общий приток воды в стволе в это время определялся в 5500 ведер в час.

— ...В настоящее время уровень воды стоит на горизонте 23 метра от поверхности. Работает один насос.

Но... нужно пробивать путь к советскому калию. Еще не оправясь от удара, горняки бросились на прорыв.

Два трупа

В первые дни после аварии, шахтеры бредили неудачей: тринадцать с половиной метров шахты засыпали глиной и гравием. Столб воды взметнулся до 23 метра от поверхности. Когда опускались в шахту, вода отливала на свете аккумуляторной лампочки недружелюбным и зловещим блеском. Не в одной голове мелькала мысль, что шахта погибла, что затраченные усилия не оправдались.

Хмуро глядели горняки на покосившиеся конуса соликамских колоколен. Точно мертвый неудобный город выступил против них в борьбе за сокровища своих недр.

Отступить?..

Но разве можно отступить, когда бур продолжает выдавать на поверхность колонки карналитов и сильвинитов — наглядное доказательство спящих богатств. Новые буровые очерчивали площадь залегания калия и не находили границ.

В шахте работал один насос, который поддерживал состояние воды на одном уровне.

Телеграммой вызвали из Свердловска профессора Шадлуна. Тот чуть ли не накануне аварии уехал из Соликамска. Телеграмма застала его в пути.

Прибыв на рудник и поговорив с непосредственными свидетелями аварии, попросил смерять воду в боковом шурфе.

Стоявший поблизости штейгер Бурмантов бросился исполнять просьбу.

Спуск в заброшенный шурф представлял некоторую опасность. Застоявшаяся вода, на поверхности которой гнили клочья упавших туда растений и куски дерева, могла отравить воздух выделениями углекислоты и другими еще более ядовитыми газами: сероводородом и метаном (болотным газом).

Поблизости шурфа, когда туда подошел Бурмантов, работала бригада плотников. Бурмантова предупредили:

— Ты куда, Егор, в шурф, что ли?

Он спустил ногу на лестницу и ответил:

— Да. Нужно воду смерять.

— Ты бы привязал камень и спустил в шурф, а то, смотри!.. отравишься.

Бурмантов, скрываясь в шурфе, хлопнул ладонью по стойке лестницы и пошутил:

— Отравлюсь, так свечку поставьте.

Имя штейгера Бурмантова — Георгий Софронович. Ему едва исполнилось 25 лет. Происходил он из крестьян деревни Карякино, Соликамского района. Раньше был членом ВКП(б), но его исключили за проступки, несоответствующие партийной этике. На руднике он проявлял большую активность, горел на работе, как будто хотел стереть печальное пятно со своего прошлого.

Поздняя уральская весна ярким солнцем обливала хмурые холмы. В ложбинах и в глуши хвойных лесов, куда не проникало солнце, туманами исходил последний снег. За Володинкой громче стучали, бегая по стволам сосен, юркие дятлы. Охотники, пренебрегая законами об охране животных, уходили в леса и возвращались с полными ягташами дичи. Плотники работали в одних рубашках. В воздухе плыл запах стружек, свежесотесанного леса и талой земли.

Михайлов тесал балку. Невдалеке от него темнела дыра шурфа, в который опустился Бурмантов. Отсекая мягкие, похожие на резаную брюкву щепы, Михайлов поглядывал

в сторону шурфа, ожидая, когда появится оттуда возвращающийся штейгер.

Показалось, что Бурмантов задержался слишком долго. Ловким броском Михайлов еоткнул топор в балку и, выпрямившись, подошел к шурфу, с намерением окликнуть штейгера.

Из шурфа показалась голова Бурмантова. Он вытянул руку и судорожно царапал ею землю, точно хотел удерживать скользкий предмет. Глаза его были мутны и широко открыты. Заподозрев что-то неладное, Михайлов бросился на помощь. Бурмантов широко открыл рот, хлебнул воздух, и вдруг лицо его перекошилось страхом, еще раз беспомощно мелькнула рука, и, как будто прячась от подбегающего Михайлова, он исчез в шурфе.

— Ребята, Бурмантов упал! — крикнул Михайлов, сообщая, как лучше прийти на помощь товарищу.

Он смутно слышал, как сзади него кто-то кричал, предлагая бежать в горноспасательную станцию и вызвать помощь. Но покуда ждать помощи со станции — Бурмантов испонет.

Крикнув, чтобы бросили веревку, Михайлов решительно переставил ногу через борт шурфа и стал быстро спускаться в черную дыру.

На поверхности толпились плотники. Шурф бесконечно молчал, зловещий и такой невинно спокойный. Опущенная веревка легко подымалась вверх, не зацепляя тяжести. рождалась тревога — предчувствие того, что в шурфе совершилась новая, но пока еще неизвестная катастрофа.

Наконец известили о несчастье горноспасательную станцию. Быстро появились маски и баллоны с кислородом. С предосторожностями стали опускаться в шурф. И... там на полке, недалеко от воды лежали: разбившийся при падении Бурмантов и, словно плачущий над ним, вниз лицом, — Михайлов.

Когда их извлекли на поверхность — оба были уже мертвы.

Шахта № 1 записала в свою историю гибель двух человек. Они отравились метаном.

...Экспертная комиссия, исследовавшая состояние шахты после аварии, наметила для ликвидации разрушений и возведения постоянной крепи срок в три месяца.

К половине июля в аварийном участке прошли 10 метров, закрепились половинчатой крепью, зацементировали верхнее кольцо, также и пройденный участок и нижнюю часть от 50 до 60 метра. Потек воды снизился до 3500 ведер в час.

В июле прибыла в Соликамск цементационная бригада из Донбасса, во главе с инженером Гертнером. Бригада привезла усовершенствованное оборудование для производства цементации и новые методы работы. Применявшийся способ проходки аварийного участка подвергся жестокой критике.

Инженер Гертнер предложил: на глубине пройденного участка (горизонт 50 метра) заложить бетонную подушку, засыпать пройденный участок галькой и на 40 метре положить вторую подушку. С этой подушки провести классическое цементирование для того, чтобы окончательно закрыть воду на участке 41—50 метра. Затем опуститься на вторую подушку и произвести цементацию нижней части аварийного участка.

По мнению Гертнера, такая цементация полностью предохранит от новой аварии.

Вокруг предложения разгорелись споры. Главный инженер калийного треста Галушко доказывал, что погоня за египетской крепостью совершенно излишня, что, кроме большого расхода цемента, способ ликвидации аварии, предлагаемый инженером Гертнером, отсрочит на два-три месяца выполнение работ.

Инженер Гертнер доказывал:

— Мы должны выработать метод, который на все сто процентов обеспечит нам невозможность новой аварии. Снова «полететь» с шахтой мы не можем. В лице моем Донуголь ни на какой риск не пойдет. Понятие о выгоде в данных условиях очень сомнительное... оставлять за бетоном тысячи ведер воды нельзя. В Донбассе на одной шахте мне оставили приток в 5500 ведер в час, и мы — каторжные

труженики — бьемся четыре месяца, закрывая эту воду. Мы снизили ее, но это китайская работа, все равно, что полировать пальцами шарики. Такая работа при оставлении большого притока воды через бетон — работа очень сложная, она удаётся в исключительных случаях. ...Если бы я положил подушку и стал цементировать с нижнего участка, я бы опасался того, что цемент пойдет по линии наименьшего сопротивления... Имея «воду на голове», мы никогда не получим надежного закрепления участка.

Галушко ему возражал:

— Практические данные, которыми мы располагаем в области применения бетонной крепи на такой глубине, позволяют сказать, что то половинное крепление в 250—300 миллиметров, которое у нас существует, является абсолютно прочным, гарантирующим от какого бы то ни было риска и бокового давления пород. Совершенно ясно, что боковое давление пород нельзя смешивать с давлением воды. Бетон может пропускать воду, и в то же время он гарантирует от завалки. Бетонная крепь обладает 20—30 кратным запасом прочности. ...Вопрос о состоянии боковых пород. Они разрушены, но зацементированы. Трещин, усиливающих давление на крепь, в шахте нет, и то поглощение цемента, которое сейчас наблюдается, вполне вероятно что вызвано существованием небольших трещин, которые дают лишь приток воды. А ведь известно, что достаточно иметь трещину в полтора-два сантиметра, не имеющую в смысле усиления давления пород никакого значения, но которая, может быть, идет до самого Соликамска, — такая трещина поглотит неисчислимое количество цемента. Расход же этого цемента для прочности шахты совершенно не нужен. Или другой пример. На одном из участков у нас выбивается ключ, где между глиной можно уложить палец или два, — ключ этот при нагнетании под высоким давлением опять поглотит огромное количество цемента, но для крепости шахты это совершенно не нужно...

Споры велись долгие и упорные. Пугала капиталность и длительность предлагаемой донбассовцами работы, а те ни за что не соглашались хотя бы сколько-нибудь посту-

питься своим планом. Они соглашались работать только с полной гарантией за успех.

Донбассовцев упрекали в том, что они не были в забое, не видели состояния пород, и потому у них создались преувеличенные опасения за успех предприятия.

В правлении калийного треста тоже колебались. В июле решили принять проект донбассовцев. Но после обсуждения еще раз в комиссии экспертов решили продолжать работу по прежнему проекту.

Цементационная бригада донбассовцев отказалась участвовать в работе по ликвидации аварии и уехала. К 27 августа пройден и зацементирован аварийный участок, 12 сентября начали новую заходку.

В борьбе с аварией горняки вышли победителями. Миллионы литров воды заперты за бетонными стенками шахты, воды успокоенной, побежденной.

Гефриршахтбау

Проходку второй шахты на калийном руднике поручили немецкой фирме «Gefrierschachtbau». Приняв подряд, фирма перебросила в Соликамск группу инженеров и специалистов-углубщиков.

Немцы привезли с собою усовершенствованное оборудование, способы крепления металлическими туббингами и вместо цементации водоносных пород применили замораживание.

Металлические туббинги впервые применялись у нас в строительстве шахт. Способ такого крепления немедленно показал свои преимущества перед бетоном. Оказывая надежное сопротивление давлению пород, бетон пропускает воду. Даже упорное цементирование за стенками крепи не дает гарантии за полную победу над водой. Бетонные работы задерживают проходку и, в конце концов шахта, для недр которой главный враг вода, остается сырой.

Металлические туббинги — это гигантские чугунные кольца, диаметром пять метров, шириною в один метр, непроницаемые для воды. Каждое кольцо разрезано на десять

равных частей. Они спускаются в шахту, наглухо склепываются болтами между собою и с выше лежащим кольцом. В спайки закладывается мягкая свинцовая прокладка, которая, сдавливаясь, закрывает мельчайшие щели и предохраняет шахту от проникновения воды и от неожиданностей при изменениях температуры.

Ображенная в чугунную одежду, шахта ровно опускается вниз. Периодически между туббингами закладывается деревянная подушка — пикотажное кольцо: в стенки шахты забиваются клинья до такой прочности, пока от образовавшейся «подушки» не отскакивает стальное зубило после удара по нему балдой.

В начале с пикотажными клиньями произошла неприятная история. Руководители проходки шахты № 2 потребовали от калийного треста ввоза клиньев из-за границы, ссылаясь на необходимость иметь клинья из особо для этого приготовленных пород дерева.

Всего требовалось ввезти 120 000 клиньев.

Заказывая клинья, калийный трест писал Наркомторгу:

„Клинья изготавливаются из особого сорта американской сосны, и от качества ее зависят крепость и водонепроницаемость крепления“.

Поверили и в НКТорге. Раз нужны клинья из «особого сорта американской сосны», что поделаешь! Несмотря на лесные богатства СССР, такой «сосны», повидимому, у нас не растет.

Клинья получили лицензию и валюту.

А когда прибыл заказ, оказалось... Но послушаем лучше заключение специалиста-эксперта:

„Клинья сделаны из дуба среднего качества и с содержанием в древесине некоторых пороков в виде червоточин и темных полос. В экспортной и внутренней дубовой клепке первого сорта такая древесина бракуется. Очевидно, клинья изготовлены из клепки или досок низких сортов или брака.“

„Наши советские клинья гораздо лучше и более пригодны для калийного треста. Дешевле на 130 процентов. Длина и ширина импортных меньше нормальных на 1 мм“.

Так «американская сосна» оказалась дубом, выросшим, может быть, в советском Полесьи и совершившим двойной переезд границы...

Преимущества крепления металлическими туббингами были настолько очевидны, что потом этот способ применили и на шахте № 1. Начиная с 16 метра от поверхности вырубали часть стенок бетонной крепи и ввели туббинги. В шахте № 2 туббинговая крепь заканчивается на 130 метре от поверхности, а дальше, в зоне солей, шахта закреплена бетонитовой кирпичной кладкой.

В первой шахте борьба с водой велась путем цементирования. В забой закладывалась бетонная подушка, на которой сверлили несколько скважин и нагнетали в отверстия жидкий раствор цемента. Цемент, застывая, закупоривал щели в породах. Шахта углублялась в зацементированную зону. В особо водоносных слоях нагнетали цемент и за стенки бетонной крепи.

При проходке шахты № 2 немцы применили способ замораживания.

В пробитые скважины по трубам нагнетался замораживающий состав. Температура в забое охлаждалась до 40 градусов ниже нуля. Под забоем образовывался мерзлый столб, диаметром свыше 10 метров. Мерзлую породу бурили, — закладывая аммонал, взрывали, обрабатывали отбойными молотками и закрепляли. Когда порода оттаивала — вода была уже по ту сторону стенок непроницаемого металлического крепления.

Проходку шахты фирма «Gefrierschachtbau» вела на основе подряда.

К маю 1930 года фирма выполнила работу, пройдя глубину 260 метров. Получив полный расчет, фирма отозвала из Соликамска свой аппарат.

Во время работы с немцами были конфликты.

При переходе на пятидневку и введении на руднике непрерывной недели на шахте № 2 начались перебои. Советская часть рабочих работала непрерывно, а немцы, в том числе и руководящий технический персонал, по воскресеньям отдыхали. Работа воскресных смен пропала впустую.

Правление треста обратилось к фирме с просьбой исправить положение. Г. Унферхау, руководитель работ по проходке шахты, заявил:

— Мы не можем работать по воскресеньям. По договору нашей фирмы с немецкими рабочими они обязаны работать шесть дней в неделю и седьмой отдыхать. Фирма не может выступать против желания самих рабочих.

Лишь после напоминания, что по договору треста с фирмой условия работы по проходке шахты регулируются законами СССР, непрерывная неделя была введена.

Был конфликт из-за масла.

Из-за обыкновенного смазочного масла, потребного в работе компрессоров.

Трест предложил советское масло «Велосит Л». По данным различных, самых придирчивых, химических экспертиз масло «Велосит Л» не уступает по качеству и полезному действию лучшим немецким маслам, а в некоторых случаях даже превосходит их.

Фирма категорически отказалась от «Велосит Л».

Предложили немецкое масло «Т 19».

Снова отказ.

Фирма потребовала масло марки «Ренания Оссаг» «Е 203».

Трест выписал требуемое масло.

Работа шла. Компрессоры нагнетали в шахту сорокаградусный мороз. На поверхности — теплые летние дни, сосны густо пахнут смолой, цветут ромашки, одуванчики. По вечерам на вновь проложенных дорожках в сосновой чаще плачет гармонь, и надрывно плещется заунывная пермская частушка.

А в шахте — на 25—50 метров под ногами — полярный холод. В шахте — соликамские январские морозы. Стынью

сжимают прозодежду, сушат ледяные сосульки на бороде и усах, шеем застывает выдыхаемый пар. Недоставало еще, чтобы мягким июньским вечером появиться на улице с обмороженными ушами и побелевшим кончиком носа.

Мощные холодильные машины по-своему переделывали природу. Пожирая тепло и масло, они рождали холод.

Но масло «Ренания Оссаг» Е 203» оказалось с «душком». Смазанные им части машин не всегда скользили с требуемой эластичностью. Иногда машины простаивали. Фирма подсчитывала простои и перед окончанием работ предъявила тресту кругленький счет в 84 839 марок и 14 373 рубля «в возмещение простоев фирмы вследствие поставки ей трестом некондиционного масла для холодильных установок».

В изумлении развели руками.

В довершение фирма потребовала дать ей немецкое масло «Т 19».

Не докажи трест ошибки с маслом, случившейся по вине самой фирмы — плакали бы его «золотые» денежки.

В июне 1929 года немецкая газета «Leipziger Neueste Nachrichten» писала:

„Представители германского калийного синдиката навестили Россию. Ими установлено, что проходка шахт в Соликамске выполняется технически безукоризненным способом и что в скором времени придется считаться с добычей калия в России. В кругах германской калийной промышленности это известие вызвало удивление. Все, по сие время производимые в России, вскрытия месторождения калия имели хороший успех“.

Чтобы не разочаровать и не испугать немецкого буржуазного читателя, автор статьи дальше высказывает ряд сомнений: трудно, мол, наладить из Соликамска экспорт солей, организовать обогащение соли, нечем заменить сульфаты для производства концентрированных удобрительных туков и т. д.

В заключение он не мог удержаться, чтобы заранее

не упрекнуть СССР в организации калийного демпинга — в том, что советский калий будет продаваться дешевле «в целях заполнения валюты для своей страны».

Представители калийного синдиката видели в Соликамске своими глазами, щупали своими руками «колонки» калийных солей, убедились, что советский калий не «злостная» выдумка. Они стояли на той самой земле, в которой скрыты миллиарды тонн калия, и имели возможность убедиться в том, с каким упорством пробиваются пути к нему.

„Инженер“ Турупук

По правде сказать, инженер Турупук в то время был еще не инженер. Может быть, сегодня где-нибудь его и величают этим почетным званием, может быть, сегодня он надел на себя даже фуражку с двумя молоточками, но мы хотим рассказать эпизод, в котором сыграл большую роль практикант горного вуза — Турупук, сын донецкого шахтера, готовившийся стать инженером.

Недаром Турупук еще мальчишкой лазил в черные шахты Донбасса. Темными вечерами замирал, слушая шахтерские «сказки» о том, как владельцы шахт платили гроши за каторжную работу; как «сбунтовавшихся» шахтеров расстреливали казаки, а казаки офицеры насильовали шахтерских жен, дочерей, сестер.

Много таких «сказок» слышал Турупук. Много и сам видел, когда рвались снаряды гражданской войны, когда голодные шахтеры, выбравшись из подземных нор, дрались за свою советскую власть.

Турупук в группе других студентов приехал в Соликамск на практику. В шахте № 1 наступил решительный момент. Под глинами и мергелями, перед пластами каменной соли находился слой рассолов. Обычными способами зону рассолов пройти невозможно. Нужно устранить препятствия: превратить жидкие рассолы в твердую массу, безопасную для проходки.

В шахте № 1 проходка зоны рассолов проводилась способом цементации. Для гарантии привлекли немцев.

Работа производилась смешанными бригадами русских и немецких рабочих.

На дно шахты заложили бетонную подушку, толщиной в шесть метров. К бою с водой готовились основательно, старались своевременно предусмотреть и предупредить возможные опасности.

Бегонная подушка в шахте — гигантская пробка, которой закупорена вода. А воды ждали много. Немецкие инженеры шли вниз с осторожностью попавших на людную улицу слепых.

Сквозь подушку бурили глубокие скважины до рассолов. Двадцать скважин. Навстречу воде пустили раствор цемента. Давление — 60 — 80 атмосфер. Загнали полтора миллиона литров портландского цемента и 150 тысяч литров — магнезиального. Десятки, сотни, тысячи бочек — 80 вагонов цемента уложили под подушку, а вода не унималась. Скважины, хотя и в небольших количествах, продолжали выдавать воду.

— Надо бурить еще 30 скважин по окружности забоя, — посоветовал немецкий консультант инженер Кох. — Без полной цементации зоны рассолов проходку начинать невозможно.

Бурить еще 30 скважин! Значит, оттянуть на три-четыре месяца начало проходки, давить в землю новые десятки вагонов цемента. У калийцев опустились руки. Задумывались уже над тем: «а нельзя ли начать проходку с меньшей крепостью, — может быть, осторожность немцев преувеличена? Опасность вовсе не так велика».

— Нужно пробурить 30 скважин, — невозмутимо твердил Кох, — выдуть шлам и начать цементацию.

Шлам! — красивое слово. На языке геологов — это разложившиеся мергеля, а в общежитии — обыкновенный ил. Как ни верти, никак не обернуться раньше трех-четырех месяцев. Шахта терпит убытки от задержки и от лишнего расходования материалов.

Тогда и пришел к главному инженеру треста практикант Турупук. Будущий инженер-горняк, а пока еще робкий, неопытный.

Переждав очередь посетителей у «алтаря», на вопрос: «в чем дело?» смущенно заявил:

— Я к вам, Николай Осипович, насчет цементации.

Несмотря на свое величавейшее спокойствие, главный инженер стукнул ладонью по столу. Лицо его — сегодня не бритое — казалось сердитым.

— Приходится бурить, — заявил он. — У нас в правлении треста слепо выполняют указания немецких консультантов, хотя нужно сказать...

Он замолчал, словно спохватился, что слишком откровенно высказал свои сомнения в необходимости предлагаемой немцами дальнейшей цементации. Турупук заметил недовольство главного инженера и, как бы желая поддержать его, сказал:

— И по-моему, Николай Осипович, не нужно бурить новых скважин, выдувать шлам и расходовать зря миллионы литров цемента.

— То есть как «по-вашему»?

— Я могу доказать.

На лице главного инженера мелькнула снисходительная улыбка, точно он хотел сказать: «знаю, молодой человек, что сейчас предложите вы наивный ученический проект, но я вас все же выслушаю. Хуже от этого не будет, а вы получите хороший урок».

Он пригласил Турупука садиться.

Студент развернул помятую, истрепанную, замазанную глиной и маслом записную книжечку. Вода пальцем по рядам цифр, стал излагать свои соображения. Голос его звучал неуверенно. Казалось, главный инженер сейчас поощрительно похлопает парня по плечу и скажет: «все это давно известно, товарищ»...

Произошло же совсем необычное.

После первых же слов практиканта улыбка пропала с лица главного инженера, оно стало серьезным. Инженер вскочил с места, отодвинул стул, перешел на другую сторону стола и, остановившись позади студента, впился глазами в неровные столбики цифр.

Сделанные карандашом записи кое-где расплылись и

потускнели. Главный инженер помогал студенту разбирать табличку, потом, будто вспомнив что-то очень важное, закрыл дверь кабинета-алтаря, предварительно сказав секретарю:

— Покуда никого не впускайте и немедленно вызовите товарища Васильева!

Председатель правления треста был в отъезде. Васильев — теперешний директор первого рудника — его заместитель.

— Позвольте, ведь это чорт знает что такое!

Главный инженер снова впился глазами в неровные столбики цифр.

— Никому до сих пор в голову не приходило!

На лице студента блеснуло торжество. Потрепанная тетрадка была уже в руках главного инженера. Тот перечитывал записи раз, другой...

— Сколько времени производили запись?

В голосе главного инженера прозвучали сухие деловые нотки.

— Полтора месяца.

— Хорошо! Замечательно! Как же вы додумались?

— Сначала записывал из любопытства, а потом, когда пришел к выводу, стал каждый день регулярно подсчитывать по всем скважинам.

— Замечательно! Немцы знают про это? — спохватился он, — вы говорили?

— Нет.

— Еще лучше. Знаете, сколько стоит ваша книжка?

Студент непонятливо моргнул глазами, не ожидая такого вопроса. Главный инженер снова улыбался, но уже не снисходительно, дружески.

— Сто-полтораста тысяч золотом, — определил он.

Турупук застенчиво покраснел. Провел комком грязного платка по запотевшему лбу.

— Вы шутите, Николай Осипович...

— Нисколько. Но, кроме денег и материалов, ваше открытие сэкономит еще и время.

В двери показалось тощее лицо Васильева. «Вознося-

щийся» на потолке Христос простер руку, распахнул голубые одежды, как бы стараясь посмотреть на раскрытые столбики цифр.

0,2; 0,15; 0,2; 0,125...

— Товарищ Васильев, посмотрите на эту табличку, — показывая книжку Васильеву, обратился к нему главный инженер. — Товарищ Турупук — наш практикант — разрешил задачу дальнейшей проходки. Немецкие консультанты, мягко выражаясь, тут не досмотрели.

Цифры молчаливы. Васильев вопросительно поднял глаза.

— Товарищ Турупук, — продолжал главный инженер, — работает на цементации в шахте № 1. Полтора месяца он вел записи выделения воды из зацементированных скважин, и вот, видите, результаты. Скважины выделяют совершенно ничтожное количество воды, причем за все время не наблюдалось ни одного резкого колебания. С полной вероятностью можно предполагать, что мы имеем дело не с водоносными щелями, а с естественными выделениями воды, вытесняемой растворами цемента. Зона рассолов зацементирована достаточно прочно для того, чтобы начать проходку.

— То есть вы хотите сказать, что не нужно бурить новые скважины? — спросил Васильев.

— Безусловно. Пробурив скважины, выдув шлам (как предлагают немцы), мы можем загнест туда еще неисчислимое количество цемента. Записи товарища Турупука показывают, что это совсем не нужно.

Васильев, так же как только что перед тем главный инженер, внимательно изучал табличку Турупука, и по мере того, как он понимал суть дела, лицо его прояснялось. Возвращая книжку, он крепко пожал руку студента.

— Спасибо, товарищ! — поблагодарил он. — Ваши наблюдения разрешили большую задачу.

В тот же день на техническом совещании после детального обсуждения постановили: считать работы по цементации зоны рассолов в шахте № 1 законченными и немедленно приступить к углубке.

Уже потом многие работники удивлялись, как могли немецкие инженеры при всей своей аккуратности и осмотрительности не знать действительного состояния шахты. Конечно, тут могла сыграть известную роль некоторая излишняя осторожность. При подземных работах слишком жестоко приходится расплачиваться за ошибочные шаги. Но могло быть и другое. Инженеры фирмы «Gefrierschachtbau» были не заинтересованы в быстрой проходке шахты № 1. Расчеты по этой шахте с фирмой производились на основе процентного начисления на общую сумму заработной платы рабочих. Задержка на три-четыре месяца цементационных работ передавала фирме лишних 100—150 тысяч рублей золотом.

На следующий день конторе фирмы передали постановление правления треста.

«...Правление решило отказаться от предложенного вами способа дальнейшей цементации зоны рассолов в шахте № 1 и, считая, что уже произведенные работы обеспечивают успех нормальной проходки, — предлагает вам немедленно приступить...»

Решение правления произвело переполох.

Приехавший в трест инженер Кох с возмущением бормотал:

— Unmöglich! Ich will den Schacht nicht verderben. (Это невозможно. Я не хочу губить шахту.)

Ему доказывали.

— В чем же видите вы опасность, господин Кох? По нашему мнению, проходка совершенно безопасна.

— Sie irren, Herren! (Вы заблуждаетесь, господа!)

— Нисколько, господин Кох. Посмотрите пожалуйста: вот регулярная запись выделения воды в скважинах.

Перед глазами Коха пестрела табличка Турупука. Сам виновник сидел в стороне и скромно молчал.

— Как видите, господин Кох, выделения воды в скважинах за последние полтора месяца совершенно не дают сколько-нибудь заметных колебаний. Следовательно, цементация достаточно прочна. Вполне безбоязненно можно приступить к дальнейшей углубке.

— Es ist zu übereilt! (Это слишком опрометчиво!) — качал головою Кох, но уверенность его и прошлый апломб исчезли.

— Jedenfalls, garantiere ich den Erfolg nicht und nehme auf mich keine Verantwortung. (Во всяком случае я не ручаюсь за успех и не хочу взять на себя ответственность.)

— Ответственность трест берет на себя.

— Тогда прикажите начать углубку?

— Трест вам уже предложил. Вы знакомы с постановлением правления?

— Этого недостаточно. Я требую не предложения, а приказа.

Инженеры безжалостно дымили папиросами и трубками. Вежливый, корректный Кох нервничал. На передаваемые переводчиком слова он не отвечал — бросал отрывистые фразы. Ему пытались разъяснить, что по советской терминологии слово «предлагаем» равносильно приказу.

— Nein! (Нет!) — не соглашался Кох. — Мне нужен приказ. В крайнем случае вы должны написать: «wir fordern» (требуем).

На это условие согласились.

Решившись на проходку без бурения и цементирования дополнительных скважин, нужно было обеспечить быстроту работы. За границами цементированной зоны — море рассола. Достаточно ли изолирован он? Ничтожная трещина может разрушить плоды упорных трудов.

Приступили к работе в первые дни сентября. Мобилизовали все силы. Горняки заявили, что они на практике докажут, как нужно бороться за ударные темпы углубки.

Работа — лихорадка.

Взрывали твердые пласты цемента. Отбойные молотки, пневматические лопаты упорно, 24 часа в сутки, углубляли, подчищали забой. Обычно, до этого времени смена выдавала на поверхность 35—40 бадей породы, теперь — средняя выдача за смену — 70 бадей. В последнюю заходку перед закладкой бетонной подушки углубление забоя на полтора метра и установка туббингового кольца продолжа-

лась до 70 часов, теперь та же работа выполнялась в 36—40 часов, а последние два кольца поставлены каждое в 32 часа.

15 сентября в 6 часов вечера вскрыли первые пласты твердой соли. Опасный участок был пройден и закреплен туббингами.

За самсотверженную работу правление треста премиовало рабочих месячным окладом заработной платы.

Цементация оказалась настолько прочной, что совершенно не пропускала воды. Победив рассолы, рабочие шахты № 1 вызвали на соревнование шахту № 2. Хотя вторая шахта была технически лучше оборудована и работу в ней производили бригады более квалифицированных немецких рабочих,—шахта № 1 взяла первенство в соревновании, закончив проходку прежде срока и опередив шахту № 2.

19 апреля

Весна в Соликамск приходит с большим опозданием. Точно поезд по горнозаводской ветке от Чусовой до Усоляя, тащится она извивами, обходя скалистые, покрытые лесами, уносящиеся к облачному небу хребты. После станции «Утес» поезд входит в тоннель, как будто стряхивает с себя «пыль Европы». В Верхнекамьи уже говорят— «уехал в Россию»,—это значит—покинул Урал. Россия—Вятка, Казань и дальше... равнины, поля, промышленные и старомещанские города и городишки.

За «Утесом», как и повсюду в советской стране, стародревнее переплетается с новым. Растет в лесах мощной стройки новая «Губаха».—мощная гидроэлектростанция. От Губахи широкие «просеки» пересекают уральские холмы. Новенькие провода несут энергию в Кизел, в разбросанные постройками старые заводы.

В Кизеле поезд долго трясется мимо маленьких трехоконных домиков, прячущихся за досчатыми палисадниками. Кизел—центр каменноугольной промышленности Среднего Урала. Губаха, Кизел, Копи—район, где в прошлом

нечеловечески эксплуатировались горняки, где шахты были похожи на черные могильные склепы. В центре старого Кизела — огромная церковь. Новый Кизел отступил в сторону Здесь. — светлые дома, электричество, водопровод: ванны и свет в квартирах горняков.

Снова холмы, высокие, лесистые, будто гигантские шапки великанов, ершатся в небо густыми гривами елей, сосен, пихт. Осенью по склонам гор почти в самые окна вагонов тянутся яркокрасные тяжелые гроздья рябины. Местами едем через сплошные рябиновые сады. Медленно переползаем через перевалы в 200—350 метров. Здесь как-то глубже чувствуешь полноценную красоту суровых гор, веришь в их огромные, неисследованные еще, сказачные богатства.

Но вот гривастые холмы становятся ниже. Выпрямляется путь поезда. Яйва, Всеволодово-Вильва, Шиши, Усольская, Соликамск. Заштатное Усолье спряталось на другой берег Камы. Левый берег тесно занят заводами Березняковского химкомбината. Уже сейчас десятки труб расстилают густые туманы дыма. От железной дороги в сторону Камы — заводы. Картина — точно вступишь сейчас в ворота гигантского индустриального города. Корпуса новых заводов еще в лесах. Но пройдет год и мощный туковый комбинат вступит в строй пятилетки. Хилое Усолье — бывшее рабовладельческое гнездо Строгановых, Абамелик-Лазаревых — правый берег, левый — «Березняки». Здесь строится город настоящего, город социализма.

Через дорогу — ровное плато поселка. Каменные трехэтажные дома. Электричество, водопровод, телефон. Ночью на улице светло, как в играющем огнями трамвае, и так же людно.

От Усольской поезд тянется, как на перекладных. Кондуктор в вагоне продает билеты. Поезд идет на север, он не обгоняет весну.

Пассажиры на горнозаводской ветке тоже свои, особенные.

В черных промасленных и проугленных «брзентках», в кожаных и грубосуконных кепках, в тяжелых сапогах с двойными подошвами — они коренные жители уральских за-

водов, потомки крепостных рабочих графов Строгановых, князей Абамелик-Лазаревых, Демидовых и прочих владельцев железного, угольного и соляного Урала.

Люди тяжелые, с медленным шагом, угловато, по-хозяйски рассуждающие о промфинпланах, о строительстве, улыбающиеся при разговорах о неполадках в новых поселках. Но главный пассажир — сегодняшний житель Урала — сезонник. Русские, татары, вотяки, пермяки и другие национальности. Говорят громко. В вагоне не понимают чужой речи. Полки, скамьи загромаждают тяжелые деревянные сундуки плотников, мешки землекопов, бетонщиков. На станциях пассажиры врываются в вагоны, как сумасшедшие. Одни едут на строительство, другие, проработав два три месяца, возвращаются домой.

Много и долго ругаются, занимая места. Поезд на станциях стоит долго, как голодный конь у насыпанной до краев торбы ячменя; когда тронется — успокаиваются, в разговорах вспоминают земляков, сообщают о заработках, о хозяйстве.

— Леший знает, справились ли у меня дома? Четыре пуда льна высеял, понимаешь — по пуп рос, ей-бога!..

Сухощавый парень, с трудом отдышавшись от предвагонной давки, роется в сундуке, достает ржаной сухарь и попутно сообщает соседу:

— Три дня сидели на станции. Сегодня командировочный один... за пачку папирос устроил билет.

— А где работали? — спрашивается сосед.

— На Губахе... плотничали.

— Сколько загоняли?

— Десятник у нас шлепандай, — недовольно морщится плотник. — Другие артели по полтора ста, по двести, а мы — сотню.

— И сто рублей деньги, — успокаивает сосед.

— Э!.. У нас и по триста выгоняли... каменщики.

...Но та весна совсем запоздала. В начале апреля пронеслась снежная мятель. На трактах и проселках хрустели полозья саней, лошади фыркали паром, в роще около рудника ветер стряхивал с сосен и елок охалья снега.

Торопливей обыкновенного горняки опускались в шахту, лихорадочней грузили бадьи, подъемные машины быстрее завивали стальные тросы. Вырубали соль ниже горизонта 200 метра.

Ранним утром 19 апреля 1930 года на первом руднике — горячка. Еще темно. Около копра шарит по снегу ветер. На поверхности горняки щупают глазами каждую выходящую из шахты бадью.

И наконец...

Телеграф оповестил весь мир:

«После 30 месяцев упорной борьбы в строительстве первого калийного предприятия под утро 19 апреля в шахте № 1 достигли основного сильвинитового пласта. Горняки-калийщики преподносят сейчас подарок Советскому союзу, — подарок, который должен сыграть огромную роль для развертывания социалистического строительства в деревне — калийные удобрения.

«Сегодня будут подняты на поверхность первые бадьи сильвинита, которые положат начало новой отрасли социалистической промышленности. Вскрытие сильвинитового месторождения разбивает вдребезги сомнения и скептицизм насчет богатства советского месторождения калийных солей. Оно опрокидывает усиленно муссируемые буржуазной печатью слухи о крахе надежды Советского союза на калий.

«Рабочие-горняки и инженерно-технический персонал в этот праздничный день шлют привет миллионам колхозников, ломающим старые прадедовские формы сельского хозяйства, идущим по пути организации крупного социалистического хозяйства».

Вечером на торжественном собрании в клубе горняков за стаканом товарищеского чая горняки говорили:

— Стихия обуздана. Рабочие и инженеры-калийщики доказали, что калийные соли доступны.

— ...Мы отмечаем сегодня день великой трудовой победы.

Проходка шахт — первый трудный этап пути к калию. Второй этап — постройка предприятий на поверхности земли: энергостанции, солемельницы, обогатительной фабрики, скла-

дов сырых и фабричных солей, постройка надшахтных зданий установка механизмов и механизация процесса добычи солей и переработки их.

«Калийная промышленность начинается там, где начинается обогащение солей».

К концу 1931 года первый калийный рудник даст первые партии обогащенной соли. С 1932 года он вступит в полную производственную эксплуатацию.

Люди-калийцы

До последних лет профессии калийцев у нас не существовало. Горняки добывали уголь, нефть, каменную и выварочную соль, руды. Но не было калия — не было и калийцев.

Профессия калийцев — профессия советская. Как и сама калийная промышленность, она сложилась и выросла при советской власти. До Октябрьской революции были только туманные намеки на «чудесное открытие». Разговоры о русском калии велись в узких кругах ученых людей. О промышленной эксплуатации и даже о серьезном исследовании калийных месторождений, при всей баснословной мощности залежей, серьезно никто не думал.

Если кто и мог в то время поставить разработку калийных месторождений, то это иностранные капиталисты, немецкие калийные короли, может быть американские промышленники, разыскивающие дешевый калий для американских и канадских фермеров.

Русский калий открывал блестящие перспективы для господ концессионеров, для новых Уркартов, новых властителей недр старика-Урала.

Надо было совершиться великой Октябрьской революции, пережить трудные времена гражданской войны, укрепить диктатуру пролетариата, быстрыми темпами двигаться к индустриализации страны, чтобы в ряду гигантов социалистической индустрии и сельского хозяйства заняла почетное место и проблема добычи калия...

Но теперь это уже не проблема, а развернутое строительство калийной промышленности.

«Чудесное открытие» перестало быть чудесным. Калий стал в ряду строящихся «промышленных объектов», вплелся в цепь Волховстроев, Днепростроев, Магнитостроев, Бобриков, Березняков, Турксибов и многих других гигантских социалистических «строев». При разговоре о соликамских залежах калийных солей мы уже не умиляемся, не испытываем «национальной» гордости. Наше время — время борьбы с медлительностью. Нам нужно быстрее, как можно быстрее идти вперед — по-большевистски, настойчиво и упорно.

Наше время — дни ударничества и социалистического энтузиазма на всех участках стройки. Поэтому и безжалостны мы к тем, кто мешает, тормозит, неумело руководит, неумело работает.

На проблемы «чудесных открытий» мы научились смотреть глазами хозяйственника, глазами ВСНХ.

Жизнь старого чиновничьего Соликамска — карты, водка и будни. В новом Соликамске мы видели людей, по горло загруженных работой, живущих перспективами «промышленного Соликамска», не имеющих ни досугов, ни отдыха.

Гордостью для калийца звучит фраза:

— Я с первых дней на шахте.

Калийный рудник точно крепкий сынишка-пионер.

Помнится еще вот таким маленьким, а сегодня — выходит на трибуну и, расцветая красным галстуком, чеканит бодрые уверенные слова.

Люди из Донбасса, с Южного Урала, из «России» сжились с климатом, не замечают наслоившейся многовековой грязи Соликамской: они не улыбаются при виде водовоза, заехавшего с бочкой на середину Усолки и наливающего ведром воду.

...Поздний вечер. На шейке сломанного купола ставят радиощест. Силуэт человеческой фигуры вверху похож на живую бронзовую статую, темнеющую на фоне зажигающегося звездами северного неба. Понурые фасады домишек смотрят на улицу освещенными электричеством очками окошек. В «Воеводском доме» кто-то прислонил изнутри к стеклу пестрый номер «Безбожника». Днем на площади бойко торгует газетный киоск. Рядом с номерами

«Правды» аккуратная стопка соликамского «Ударника»; тут же «Большевик», «За рулем»...

А ведь до сих пор мертво вязнут на лучших улицах города автомобили, шустрюю трестовскую мотоциклетку обступают толпы любопытных. Совсем недавно еще 72 лошади, с помощью армии людей, тащили от Усоля на рудник тяжелые компрессорные установки.

Новые люди, как Терентьев, по вечерам корпят над книжками «Рабфак на дому», спорят и ругаются в рудкоме и партколлективе. Не любят они короткое соликамское лето, сокращающее сроки бетонных работ и кирпичной кладки.

Но и среди них, и среди рабочих, и среди инженеров — есть лучше и хуже, есть полюсы: рвачи есть, летуны, убегающие отсюда при первом соприкосновении с трудностями «соликамской жизни».

Итоги за два-три месяца. Поступили на рудник и ушли с рабсты: инженеры — Сова, Гомзин, Гютнер, Бюллег, Литвинов, Поздняков, Мостовцев, Борисенко; техники — Россыпной и Шапиро: химик — Ильиных.

Почему?

Инженер Гютнер, перебежавший на Кизелстрой, откровенно объяснил:

— Там лучше жилищные условия — все достижения науки и техники: теплые уборные и ванны, а здесь... даже зубного врача нет.

Техник Россыпной, получив подъемные, повернул из Соликамска:

— Здесь нечего жрать, — привел он решительный аргумент.

Инженер Казарновский только что прибыл, «честно» расписался в получении подъемных и — выбыл в неизвестном направлении.

Это «мертвые души» калийной промышленности. Нас интересуют «живые».

Николай Осипович Галушко — один из энтузиастов советского калия. При нем заложили первую шахту, и до сих пор он бессменно на посту главного инженера.

Высокого роста, сутулый, ширококостный, в неизменной

кожаной фуражке. Движения у него медлительные, выдающие украинское происхождение.

Теперь Соликамск полон людьми, а Николай Осипович приехал туда еще в те времена, когда ночью можно было пройти из крнца в конец города и не встретить даже «собачьей души». Он принципиально не болеет, забыл про выходные дни. Если главного инженера треста нет в «алтаре», — значит, он на руднике. Почти каждый день встретите его неуклюжую фигуру, в толстых сапогах и поношенном бобриковом пальто, меж лесов стройки. Здесь он не только горняк, он и строитель: разыскивает десятников и прорабов, тащит их к сегодняшнему «прорыву», к нему запросто обращаются инженеры и рабочие. В дверь «алтаря» заходят, не стесняясь. Главный инженер выслушивает, но приказания отдает коротко. Когда говорят о калии и перспективах калийной промышленности, тогда отдыхает он и даже готов отдать собеседнику лишних десять минут.

По происхождению Галушко украинский казак. В 1903 году окончил штейгерскую школу, работал штейгером: в 1915 году — горный институт. Работал на антрацитах, на нефти. Совершил три поездки на «Новую землю» в отряде Свитцена. До Соликамска — главный инженер Украинского соляного треста.

Галушко — «старик». Вокруг — инженеры «молодняк», пришедшие сюда со школьной скамьи. Галушко приехал сюда с первой группой донбассовцев, изгонявших из калийной промышленности лжеспециалистов, дилетантов горного дела. Инженерно-технический штаб — люди, выросшие на калии. До нынешней сработанности были стычки, были склоки и трения, но — это удел прошлого. Ушли молодые, ушли и «старые» инженеры, случайные птицы на калийном руднике. Остались — калийцы, готовящиеся к широкому развертыванию одного из важнейших производств на фронте социалистической индустрии.

...Инженер в кокарде. Его по какой-то категории сняли с работы в аппарате Всехимпрома и послали «на укрепление кадров» калийного производства.

«Категорию» дали ему за рвачество, за дискредитацию советской власти. В Соликамске он — всего месяц, но его уже знают.

— Дайте пальто и калоши, иначе не стану работать! — это говорит он в рудкоме.

— Для проекционных работ дайте в полное мое распоряжение трех рабочих, одного монтажера и велосипед! — требует он в правлении треста.

— Но при чем тут велосипед?

— А это... — начинается длинное объяснение, цепь доказательств в пользу выдачи велосипеда.

А на самом деле, велосипед попал в требование потому лишь, что трестом в это время распределялись сто велосипедов среди лучших ударников.

Инженер «в кокарде» умеет постоять за себя. Он с хорошим аппетитом, самовлюблен. Соликамск для него — ссылка.

...Встретил я инженера в кокарде на дороге около мостика через Черную.

Шел липкий, слякотный снег — в сентябре. Пешеходы подымали воротники пальто. Снег таял и, мешаясь с грязью, брызгал из-под ног.

Инженер «в кокарде» ехал в обычной плетеной бричке с наложенным вместо сидения сеном. Ехал на рудник из города. Его невысокая фигура держалась удивительно прямо. Капюшон плаща откинут назад. На голове инженера новенькая «техническая» фуражка с двумя золотыми молоточками на околыше. Обычно помещающийся рядом с седоком кучер на сей раз трясется на передке, глюкает и сердито дергает вожжами. Глаза инженера неподвижно прилеплены к кучеровой спине. Сидя в экипаже, он не узнает никого.

...Инженер в кокарде подошел ко мне в библиотеке. Снисходительно улыбнувшись, спросил:

— Вы не знаете, что значит «Роте Фане»?

В первую секунду вопрос показался смешным. О «Роте Фане» в СССР знает любой пионер и вдруг услышать такой вопрос из уст недавно еще покинувшего вузовскую скамей-

ку молодого инженера! Или это шутка, или этот инженер никогда не читал ни «Правды», ни «Известий», ни «За индустриализацию». О «Роте Фане» там он нашел бы упоминание почти в каждом номере.

Отвечаю:

— «Роте Фане» — газета центрального комитета германской коммунистической партии.

Инженер «в кокарде» мотнул головой и протянул:

— А-а!..

...Инженер «в кокарде» приехал в рудничную контору. В том же здании помещаются отделы треста: коммерческий, строительный, по кадрам, тарификации и бухгалтерия. В течение часа он обошел все комнаты двухэтажного здания: от комнаты коммерческого директора и до бюро машиностроков. Обошел, осмотрел, быстро, с деловым видом, истратил короткий соликамский день.

Он — директор.

Руководитель первого в СССР калийного предприятия. Днем на руднике, вечером — на Каме, в Усть-Усолке. Оттуда мотовоз и «кукушка» возят гравий, а от гравия зависят темпы строительства.

— Товарищ Васильев, как с гравием? Песку хватит на полсутки... приостановим работу по бетонированию.

Инженер-строитель из Уралпромстроя в порыжелом студенческом пальто, фуражка с кскардой, но сильно потрепанная, — налетел на Васильева коршуном.

Васильев копнул лопатой груду песка:

— Тут еще есть...

Утешает, а сам морщится. Не успел покончить с песком, рядом — завшахтой. Неблагополучно под землей. Во время взрывных работ в соли осталось несколько «стаканов». Вместо положенных планом 6 метров за сутки не осилили пяти. Нужно доискаться причин снижения выработки. Оказывается — дело в неправильной расстановке взрывных снарядов. Пистоны с моментальным взрывом располагались по бокам забоя, а с полсекундным запозданием — в середине.

Перепутали. Нужно было заложить их наоборот.

— Буры неправильно ставят, — сообщает завшахтой, — бурение задерживается.

— А почему?

— Десятник не может наладить.

— А сами вы были в шахте?

Инженер замаялся. Видимо, он и сам не может показать рабочим, как нужно владеть буром. Инженер знает, что работа идет не хорошо, но практики у него нет, поэтому он избегает спускаться в шахту.

— Нас душит безответственность, — говорит Васильев. — Поставлены люди на участках, но они никак не могут привыкнуть к тому, что за всякую работу надо отвечать. Нужно им «позаседать», свалить с себя ответственность за порученное дело. Сошлись два-три человека и — заседают. Заседания в учреждении, на производстве во время работы. Уж, кажется, договорились, начали, пустили механизмы, но нет... через час снова обсуждают давным-давно решенный вопрос.

— Поставили пресс на кирпичном заводе, — с горькой иронией рассказывает Васильев. — Что тут нового? Пресс как пресс. На то он и существует, чтобы работать. А тут вздумали переделывать. Раз переделали, другой — пресс стоит. Безответственность губит. Пока схватишь да подтянешь — не успеешь оглянуться, как сумели испортить, кое-где навредить.

Он говорит это на ходу. Торопясь успеть во-время на опасный участок, где сейчас грозит прорыв.

— Людей у нас нет. Специалисты буквально бегут. Одни, приехав сюда, чувствуют себя чужаками, чуть ли не в ссылке, другие — не выносят наших соликамских условий. А что получается? Технический персонал мало имеет практического опыта.

Все это не досужие разговоры. Недостаточность технического персонала и малоопытность его — узкое место строительства. Тресту для развертывания работы нужно сейчас около 180 инженеров, а Всехимпром прислал... одного и то... «инженера в кокарде».

Со стороны Всехимпрома была явная недооценка калий-

ного строительства. Недаром и смену руководства и суд над вредителями в химической промышленности горняки-калийцы встретили с полным удовлетворением.

Васильев — сын чернорабочего-сторожа. Вырос в Бахмуте.

С июля 1929 года — член правления калийтреста — директор первого рудника.

Васильеву — 44 года. Он член ВКП (б).

Но работа — работой. Нет директора без теоретических знаний. Васильев — слушатель заочного курса Промакадемии.

Калий не любит белоручек. И молодые по возрасту, но уже старые калийцы, Шилов, Пучков — инженеры-производственники. В их руках главнейшие участки. Они директора первого и второго рудников.

Они приехали сюда с вузовской скамьи. Пережили все невзгоды строительства, закалились, «постарели», стали опытными специалистами.

Трехгодичный стаж в калийной промышленности — большой стаж. Калий и Соликамск требуют энтузиастов.

Энергичный председатель треста. Он не так давно в Соликамске, но уже энтузиаст калия, победил в себе «испуг» перед грязью и заштатной мертвечиной.

— Для бездельника в Соликамске — только карты и водка, — говорит он, — но человеку дела, верящему в калий, умеющему связать калийную проблему со строительством социализма в нашей стране, для того Соликамск — блестящий эксперимент. На фоне углого мещанского городишки, незаметного и забытого в прошлом, растет огромное, величественное производство, не имеющее корней в прошлом, — с первого удара лопаты — производство социалистическое, которое, еще не развернувшись, вступило в бой с капиталистическими калийными гигантами и которому, в конечном счете, обеспечена победа.

Недаром Цифринович еще в августе 1930 года в газете «За индустриализацию» бил тревогу по поводу преступного, оппортунистического руководства Всехимпрома, своей политикой не тормозящего — нет, а срывающего практическое разрешение проблемы калия в СССР.

„Старые и молодые“

В детстве — помню — привезли в сельскую церковушку колокол новый. Поп — Ириной по имени — пьяница поп, а сторож Евдоким — мужик молодой, горячий. Радовались оба. Богомольцев — тьма.

Подняли колокол на шаткую колокольню.

— Ты, Евдоким, ударь сегодня, порадуй православных! Евдоким распушил трезвон. Покачался колесом и — треснул, захрипел на смех «православным».

Есть и у нас горячие звонари. Зазвонят — черепки летят от колокола, а звонарям любо.

— Во, пробрали, дескать! Раздраконили по второе число. Поднимались звонари и на соликамские «колокольни». Раззвонили.

Один из них начинает:

«До сих пор в Союзе не было никакого опыта проходки шахт в таких породах, которые сопровождают клий».

— Ах, не было?! Значит, швах дело! Кому у кого учиться? Не у тех ли, кто прибыл из Донбасса? Можно разве с донбассовским опытом лезть в Соликамск!

«Тут (в Соликамске), стало быть, и старые тоже молодые. Все новички; все должны учиться».

Другой написал целую поэму. Называется она — «Исповедь молодого инженера».

«...Старые зажимают молодых, — восклицает он.

«...Старые довели шахту до аварии.

Цементация — допотопный способ, способ старых, а молодые... молодые учатся у немцев. Замораживание — последнее слово проходческой науки, надо применять его и нечего зря бухать в землю тонны цемента.

«...Проект молодых ликвидации аварии — спас шахту.

...Старые — брыдло, а молодые «командиры социалистического производства».

Спорить с этими утверждениями бесполезно. Ведь нельзя же серьезно доказывать истину, доступную способному октябренку: что проходка шахт во всяких породах есть

проходка шахт, что из пластов соли отнюдь не «выворачивают глыбы гранита», как писал третий «звонарь», ибо гранита в пластах соли не имеется, и каменная соль вовсе не «каменная»; что проходка шахт и постройка рудничных зданий еще не есть калийная промышленность, что, сойдя сегодня с вузовской скамьи, трудно сразу стать опытным руководителем-проходчиком.

Нельзя отрицать права за молодежью учиться хорошему опыту, права готовить из себя «командиров социалистического производства», но так же нельзя отрицать и того, что нельзя доверить строительство рудника только сегодня покинувшему вузовскую скамью «горняку».

Можно говорить о вредителях, о людях, подчас крупных специалистах, которые сознательно вредят делу социалистического строительства, целью которых является восстановление капиталистического производства и капиталистического строя.

С такими советская власть не церемонится.

На то они и вредители, на то они и оголтелые классовые враги, чтобы пролетариат смел их, как мусор, с социалистической дороги.

Но «звонари» никого из калийцев не обвиняют во вредительстве. Они лишь противопоставляют молодых старым, нападают на «старых» за то, что те «старые» и имеют опыт работы в Донбассе, и хвалят «молодых» за то, что те — «молоды», и, видимо, за то, что они не имеют никакого опыта.

Статьи вызвали шум, но... тучи прояснились.

УралоблБИТ произвело обследование. Материалы обследования установили, что инженерно-техническое совещание калийного треста, возглавляемое молодыми, работало чрезвычайно плохо. ИТС совершенно не принимало участия в массовой экономработе, производственная практика вузовцев им бойкотировалась, к руководству треста со стороны ИТС отношение явно склочное.

Среди молодых инженеров на руднике сразу же определились два слоя: крепкое, советское, работающее ядро и безнадежные карьеристы, не интересующиеся вопросами

калийного строительства, использующие временную «ссылку» в Соликамск для подгонки производственного стажа, квалификации, повышения по разрядной сетке.

Первая группа молодых выполняла и выполняет ответственную работу, отдается своему делу, накапливает нужный производственный опыт, а вторая — летуны. «Иных уж нет, а те — далече». Покричать, позудить и перебежать на более «теплое» местечко — их дело.

И вовсе не так вредна цементация, как изобразила ее «исповедь». В дальнейшем, способом цементирования пойдет проходка третьего и карналитового рудников. Кроме того, разговоры о том, что цементация — устаревший способ по сравнению с замораживанием, не совсем точны. На практике, цементация — более поздний метод, чем замораживание. Она с успехом применяется при проходке калийных шахт в Германии (Округ Верра-Фульда и др.). В угольных бассейнах Бельгии, Северной Франции и Англии способ цементации во многих случаях заменил замораживание. «Значительное преимущество метода цементирования над методом замораживания заключается в том, что применение первого метода возможно при любой глубине шахты. Кроме того, ему не служит препятствием чередование твердых и мягких пород, затем он почти никогда не задерживает начало углубки шахт...» Так говорят американские специалисты Г. С. Райс и И. А. Дэвис в своей книге — «Добыча калия во Франции и Германии».

Поведение «молодых» во время ликвидации аварии граничило с обычной растерянностью. В наших руках были документы: личные показания «старых» и «молодых», данные ими инспектору труда, обследовавшему причины аварии в шахте № 1. Мы читали стенограммы технических совещаний в период ликвидации аварии, читали записи выступлений на ряде партийных собраний, посвященных вопросу аварии, и ряд других ценных документов. Из «молодых» лучше других проявили себя инженеры-практики, а руководители ИТС молчали.

На технических совещаниях фигурировали только два проекта ликвидации аварии: проект инженера Гертнера и

проект треста, защищаемый Галушко. «Молодые» ограничились вопросами и коротенькими репликами.

Авария была ликвидирована по проекту треста в значительно более короткий срок и с меньшим расходом материалов, чем предлагал инженер Гертнер.

«Звонари» ополчились на «старых», на «донбассовцев», а практика строительства говорит об ином. Производственное совещание на рудничном дворе осенью 1929 года, после напечатания «Исповеди», вскрыло большую и тяжелую болезнь, в которой родился рудник. Что тогда было? Производственный разлад, трудовая распушенность, беззастенчивое рвачество. Только что приехавшие донбассовцы порядки наводили жестоко. Прогульщики, пьяницы, рвачи; «незаменимые» — встретили донбассовцев в штыки. «Местные» люди выбросились за борт.

Конечно, и среди «старых» были «люди в кокардах». Были и такие, действия которых граничили с вредительством. Были. Но их уже нет. И они «ушли», как «ушли» многие склочники, карьеристы, «незаменимые».

Есть еще и теперь на руднике «старые калоши» и «молодые соловьи». К лику «калош» — все, кто твердо и непоколебимо топчет соликамскую грязь. «Калоши» в соликамских условиях — не ругательство. Без них вы простудитесь, схватите грипп, воспаление легких. «Калоши» — производственники. Они закрепили себя на производстве до конца пятилетки.

А «соловьи» улетают. Для них климат не подходящий и вообще — Соликамск...

Проблема советского калия — проблема урожая

Крупный советский журналист, знаток горного дела, вдоль и поперек изучивший Донбасс и Кузбасс, услышав о колоссальных запасах калийных солей в Соликамском районе, спросил:

— А не преувеличено ли все это? Может быть, раздувают?

Скептицизм характерный, основанный на психологии недоверия к новому, мало известному делу. Скептицизм иногда простирается до того, что люди, активно участвующие в жизни нашей общественности, глубоко верящие в наши цели, при упоминании о калии добродушно улыбаются.

— Калий! Конечно, большое дело, но... это проблема...

Похожие покуда на «Курскую аномалию».

И вспоминаются мне слова одного рабочего с Вильвы. Ехал он в поезде горнозаводской ветки Пермской железной дороги. Суровый густоусый уралец. Хозяйственно толковал о кизеловских углях, о крепких яловочных сапогах, крепко ругал сезонников, не понравившихся Губахе и едущих домой, куда-то — не то в Котельнич, не то в Советск.

О Соликамске он сказал просто:

— Там бо-о-га-то-е дело заводится!

И сказал без всякой «уральской» гордости, как будто поделился давно известным, понятным.

Чем дальше от Соликамска, тем меньше знают о советском калии. Изредка промелькнет в какой-либо газете «торжественная» статья — и снова молчание. Ни промышленные, ни сельскохозяйственные рабочие, ни колхозники не знают о калии, — ничего не знают о героической борьбе за калий, не знают о значении его для нашего сельского хозяйства и промышленности.

Кто в СССР знает имя агронома В. Н. Прокошева? Человек он скромный, живет в глуши, — обыкновенный «уездный» агроном, не «герой романа». И кто знает о том, что агроном Прокошев написал хорошую книжку? Издана его книжка свердловским отделением сельхозгиза в маленьком тираже.

Но об агрономе Прокошове стоит поговорить, потому что лишь стоит, что заведует он соликамским сельскохозяйственным опытным полем, что он на практике изучает полезные свойства соликамских калийных солей, влияние их на жизнь растений.

Книжечка Прокошева — 32 тощих странички, но прочти ее колхознику, который год-другой проработал в колхозе,

и тому, кто станет колхозником завтра, — прослушают ее без отрыва.

Книжечка агронома Прокошева — первая популярная книжка о соликамских калийных солях. Других — ни тонких, ни толстых книг — нет. «Ученые» халтурщики, не мало которых училось «и жить, и чувствовать» у Чайновых, Кондратьевых, подражать — Борисову и Зубрилину, — они могли писать о калии лишь «вообще», подновляя датами древние опыты с экспортными солями.

Что мы знаем о калии?

По данным Института по удобрениям, потребность в калийных солях для нашего сельского хозяйства определяется в 5—6 миллионов тонн ежегодно. Рост социалистических форм сельского хозяйства — совхозов и колхозов — повышает требование на калий. Но калий до сих пор еще мало изучен.

Людвеля Денн в своей книге «Америка завоевывает Британию» говорит: «В наш химический век одним из самых главных видов сырья является калий, для которого еще до сих пор не было найдено соответствующего ему, и заменяющего его вещества».

Калий как удобрение, калий, как сырье для химической промышленности, — одинаково незаменим.

Соликамский энтузиаст калия, агроном Прокошев, в своей книжке делится с читателями результатами своих опытов, произведенных не в вегетационных, а нормальных полевых условиях. Он перечисляет:

«...Песчаные и супесчаные почвы стоят на первом месте по потребности в калийном удобрении.

...Наравне с ними стоит большинство торфяных почв. Потом идут суглинки и глины, черноземные почвы, особенно если они тяжелые, глинистые.

На калий отзываются в первую очередь картофель и корнеплоды, огородные овощи, травы, лен и в последнюю очередь — хлеба».

Из многих опытов, — пишет агроном Прокошев, — поставленных за последние годы, приведем для примера следующие:

Луга. Большинство опытов ставилось на суходольных и условно заливных лугах. Опыты показывают: в среднем урожай сена без удобрения — 21,6 центнера; урожай по калию — 33,9 центнера; по суперфосфату — 26 центнеров, по суперфосфату и калию — 38,6 центнера на гектар.

Картофель. (Опыты проведены в 1929 году в окружающих колхозах и крестьянских хозяйствах.) На супесчаных почвах урожай картофеля: без удобрения — 195,9 центнера; по калию — 249,2 центнера. На Соликамском опытном поле на песчаной, очень бедной почве урожай картофеля по суперфосфату и азоту — 122,8 центнера, с добавлением калия — 206,7 центнера на гектар.

Лен. По опытам в районе б. Вятской губернии дал от калия прибавку: семян — 0,68 центнера, тресты (солома) — 2,55 центнера.

Клевер. Опыты колхозников района соликамского опытного поля в 1929 году показали: без удобрения урожай клеверного сена дал 43,5 центнера, по суперфосфату — 57,4 центнера, по калию — 52,2 центнера, а по суперфосфату и калию — 73,5 центнера на гектар.

Большое количество опытов с калием, проведенных у колхозников и частью у единоличников около соликамского опытного поля, на супесчаных и частично суглинистых почвах, устанавливает прибавку урожая хлебов от калия около одного центнера, а на ячмень — около двух центнеров на гектар.

Кроме того, калийные соли являются прекрасным средством против полегания хлебов, предохраняют хлеба от действия заморозков, уничтожают сорняк (желтушник, осот).

С 1931 года калийные соли стали поступать на поля колхозов и совхозов. До войны на территории теперешнего СССР о калийных удобрениях почти ничего не знали. Время широко ознакомить со значением калия идущих в бой за высокие урожаи колхозников и совхозских рабочих.

Гравий

На правом берегу Камы, против пристани Усть-Усолка — широкая песчаная отмель. За отмелью начинаются желтеющие среди лесов выжигами пашен отлогие холмы Предуралья. Столетиями наступая на холмы, Кама отодвигает их, размывает слоистые мергеля и песчаники, образуя хрупчатый пляж. Метрами вглубь лежит слой песку, перемешанного с мелким, точно отобранным, похожим на владимирские орехи, гравием.

Гравий молчалив, а то мог бы он рассказать славную историю, в каком неожиданном и великом почете оказался он в осень 1930 года.

Обычно гравием интересуются на постройке строительные десятники да рабочие, просеивающие в проволочные сита камский песок. Для одних — гравий необходимая деталь при производстве бетонных работ, для других — монотонное, однообразное движение лопат, подбрасывающих песок на сита. А тут — гравий вырос в хозяйственную и политическую злобу дня.

Экстренно заседал рудком, еще экстреннее — расширенное бюро партколлектива. Вокруг гравия шли горячие споры. О гравии говорили лазающие по лесам свежей опалубки зданий плотники, гравий был злобою дня в «алтаре» у Цифриновича и Галушко, у опускающейся в землю смены горняков, в кабинете у директора и главного инженера рудника, за вечерним чаем в рабочей квартире поселка «Калинец».

Изо дня в день слово «гравий» не сходило с языка. Столетиями пролежал он в неведении на правом берегу Камы, а теперь потребовал внимания к себе от людей, нарушивших его безмятежное спокойствие.

Но популярность гравия на калийном руднике неожиданно выплеснулась потому, что лежит он на правом берегу Камы, а рудник строится на левом. Строительству нужен бетон, а бетона не может быть без гравия.

Нет гравия, и пахнувшая сухой елью, свежая опалубка Рудничных зданий, — ажурный костер леса и ржавеющей

арматуры, — будет стоять с незаполненными бетоном жилами колонн, переплетов. Не будь гравия — неизбежен прорыв, отставание от темпов. Без гравия строительству угрожает «черная доска».

Вначале сезона трест заключил договора с тремя артелями на поставку гравия. У артелей — досчатые шаланды, медленные, точно скрипящие улиты. За день едва-едва 60 тонн.

А строительству ежедневно нужно 150 тонн.

Недодача девяноста тонн превратила гравий в остродефицитный товар. Каждую шаланду встречали приветливыми упреками и быстро разгружали.

Первые сигналы раздались из-за отдыха мотовоза. «Старик» моет без дела осенними дождями голову, а гравий — лежит на Усолке. Сигнал — ввести «старика» в строй.

Застонали под грузом вагонеток зыбкие, как тесинка, положенная через ручей, рельсы узкоколейки. В спешке несколько вагонеток не выдержали напряжения, перевернулись в пути и легли тупами, задрав к небу безжизненные ободки колес.

Приготовленная к заливке железная арматура вызывает у экскурсанта-педтехникумца восхищение:

— Кружево индустриализации!

Но строитель сердится при взгляде на пустую арматуру. Его взгляду «краше» бетонные колонны, перемычки, перекрытия. Для него арматура только костяк, который надо быстро одеть в мускулы бетона и кирпича.

— Не успеем! Срываем план! И без того хвост распустили, что у индейского петуха.

Прорыв с гравием — черное пятно осени.

Сначала недоставало транспорта. Этот недостаток ликвидировали. Тогда между гравием и калийным рудником легла Кама. Точно сегодня лишь увидели строители соседку-реку. Похожа она на большой сверкающий уральский изумруд. Быстрое течение стлосит книзу шаланды, груженные гравием, задерживает их ход.

Строительные работы на руднике выполняются Урал-промстроем. По сути дела и по договору, забота о гравии —

забота Уралпромстроя. Но прорыв с доставкой гравия сорвал темпы строительства.

Бригады горняков, пришедшие на помощь строителям, потеряли зря много времени. То нет материалов, то не хватает... производителя работ.

На расширенном заседании бюро партколлектива говорились горькие истины:

— Кто виноват? Неповоротливость коммерческого отдела треста. Из-за недостатка гравия простаивают бетономешалки, а в коммерческом отделе разговаривают с Уралпромстроем. Тычут в уралпромстроевцев пунктами договора, но ни те, ни другие не имеют плана, как прорыв с гравием ликвидировать.

Прорыв с гравием вскрыл и другие язвы на строительстве: полную неспособность руководства соликамской конторы Уралпромстроя.

Администраторы Уралпромстроя, ячейка и рабочком прорыв объяснили по-оппортунистически:

— Кама виновата, рабочие неквалифицированы... объективные причины.

Не видели и не искали конкретных причин и конкретных виновников зла.

А рядом: в сентябре у строителей — 4580 человекоднев прогулов, тысячи часов простоев, никакой массовой работы.

...В бараке № 10 прорабатывается сентябрьское обращение ЦК ВКП (б). После вступительного слова руководства, по грязному полу рассыпался мешок оглоданных костей:

— Ударникам, мать и-ху, хлеб без очереди и махорку!.. а мы-то что... не работаем?

— Все лето председателя рабочкома не видали. Окопался, боится в барак заглянуть.

— На постройке у уборной в очереди стоим. Тыщи человек народу, а там всего три очка, — передрогнешь, покуда дождешься.

Точно на плохой сходке в деревне. Никто не слушает, все говорят, каждый о своем. Накопилось много, а не будь обращения ЦК — никто бы из рабочкома не зашел

в барак. Стараются выложить поскорей строители, перебивают друг друга:

— На стройке десятника не найдешь. Нужно спросить что-нибудь — бегай по всему строительству.

— Чего бегать? Иди в контору! — завсегда там.

Нет массовой работы — не развернулось среди строителей социалистическое соревнование, слабо развивается и ударничество.

Сентябрь на строительстве — месяц социалистического штурма. А 1 октября рудничная печатная газета «Советский калий» писала:

„Социалистический штурм на строительстве калийного рудника развивается медленно. Мы еще не добились нужных темпов. До сих пор не изжиты отставание от программы, текучесть рабочей силы, не мобилизована рабочая общественность, нет энергичной борьбы с неполадками и недочетами на строительстве“.

...21 сентября техник Комлев бегаёт по постройке:

— Товарищи, артель Киселева пропала. Не знаете где? Плотники нужны дозарезу.

Артель Киселева — артель ударников.

Время к десяти, а плотников нет. Бегаёт Комлев, бегаёт представитель рабочкома. Случайно заглянули в курилку, а киселевцы там.

— Товарищи, в чем дело? Почему не работаете? — набросились на них.

Оказалось, артель Киселева поставили исправлять колонны на третьем перекрытии у солемельницы. По халатности прораба Раковщика колонны поставили не по отвесу и теперь, когда нужно производить бетонирование, вздумали исправлять. Работы уйма, а цена за нее положена — пять рублей. Прораба нигде не нашли.

— Да тут и на табак не заработаешь, — возмутились плотники. — Намучишься только да время убьешь.

Нераспорядительность административного и технического руководства Уралпромстроя привела к текучести рабочей

силы. В сентябре со строительства снялись лучшие артели: Лазарева, Белова, Урванцева.

Текучесть — объективная причина, срывающая стройфинплан, но растёт она на базе конкретных дел. Вербуют рабочих, прибывают новые и новые артели строителей, но... проработает артель месяц — и уходит со строительства.

В половине сентября на калийрудник прибыло 130 колхозников. Шли они с пристани полные энтузиазма. Горняки организовали встречу. Обстановка торжественная. Прошло около месяца — сорока человек колхозников на строительстве уже нет.

Почему ушли сорок? Не выдержали условий, в которых они очутились, после того, когда миновала торжественная часть встречи.

Колхозников поместили в темный и холодный барак. Они кричали об этом, стучались во все двери, требовали помощи, но голоса их никто не услышал. Точно попали они в город глухонемых.

...Плохо налажено бытовое обслуживание строителей. В старых столовых на руднике — грязь и неуют. Голые деревянные стены, на полу — болото. Немытая посуда, покрытые слизью деревянные ложки; очередь у кассы, очередь за тарелкой супа, очередь у стола.

Нет даже плакатов на стенах.

— Сколько вы отпускаете в день обедов? — спрашивают заведующего столовой.

— Шестьсот ежедневно.

Оказалось, число обедающих меняется, а цифра обедов стабилизировалась. В столовой № 13 за пять дней талонов продано на 525 штук меньше, чем отпущено обедов.

Отпущены, мол, для служащих столовой.

Вышло это по четыре обеда в день на человека.

На строительстве — 22 барака и общежития, но нет ни клуба, ни библиотеки. Есть один красный уголок — комнатка в два окна. Ни один барак не обслуживается культпросвет-организаторами.

...Около новостроек, у общежитий — аккуратные доски

для записи производственных заданий и для отметки выполнения плана.

Повесили доски и... забыли о них.

Как бы напоминая о беспорядках, белеют на черном глянце полустертые июльские записи.

А на дворе октябрь. Продолжаются простои из-за нехватки материалов. Ударная бригада Мамаева в один день потеряла 52 человекочаса.

Правильно поступил Березниковский райком, заменив руководящую верхушку соликамской конторы Уралпромстроя, распустив рабочком строителей и бюро партийной ячейки.

Правильно и квалифицирована их работа, как оппортунистическая, срывающая темпы калийного строительства.

Но строители — народ пришлый. Закончится постройка зданий — уйдут они с рудника. Сердце калийной промышленности — ядро горняков: горный, механический и другие цеха.

А там как?

До сентябрьского обращения ЦК на руднике — шутка сказать — по горному цеху в июле — 100 прогулов, в механическом за первую половину августа — прогулов свыше 20 процентов.

Цех занесли на черную доску.

1930 год — год прорыва на строительстве первого калийного рудника. Намеченная программа работ осталась невыполненной.

Ударничество и социалистическое соревнование по всем цехам не возглавлялись партийцами. К сентябрю закрепились на производстве только 32 члена партии.

Еще хуже в комсомольской ячейке. На руднике 300 человек молодежи, около сотни комсомольцев, но они не могли даже собраться, чтобы проработать сентябрьское обращение ЦК. Больше половины комсомольцев ни разу не были на собраниях.

— Почему не ходишь на собрания? — ловит секретарь парня.

— Да, некогда, — тянет тот. — Уж лучше ты изорви мое заявление... аннулируй меня.

В сентябре, после перевыборов бюро коллектива комсо-

мола на руднике и проведенной перерегистрации, оказалось много таких «комсомольцев», которые на самом деле «аннулировались».

В прошлом снабжение строительства материалами обстояло безобразно. Всехимпром задерживал отпуск досок, цемента... Пример:

На четвертый квартал 1929/30 года калийный трест запросил 18 тысяч бочек цемента. Всехимпром постановил:

— Дать... три тысячи бочек.

Но оказалось, что и Всехимпром только предполагает.

Против отпуска выступил Союзстрой. Он с достоинством бывшего статского советника из бывшего сената разъяснил:

«Ввиду того, что калийный трест вначале июля получил четыре тысячи бочек (причитающихся за предыдущий квартал) и так как июль, как известно, есть начало четвертого квартала, то калийному тресту ничего в IV квартале не причитается».

А на руднике закончена опалубка солемельницы и энергостанции. Сквозит в воздухе кружево железной арматуры. Территория рудника — сплошной костер. Зажги спичку и назавтра от красивых, но пустотелых колонн, перекрытий, лесов останется груда углей и помятого железа.

...В Америке нашли нищенские залежи калия. На глубине тысячи метров с содержанием K_2O — 4,5 процента. Самые бедные из известных до сих пор в мире залежей. А конгресс утвердил ассигновку правительству в сто миллионов долларов для постановки разведок и изучения месторождения.

А мы... Мы имеем богатейшие и доступнейшие в мире залежи калия. Калий нужен нашему сельскому хозяйству и промышленности. И мы... то есть не все «мы», а Всехимпром отмахивался от форсированных темпов развития калийной промышленности.

С облегчением вздохнули калийцы, когда сменилась руководящая всехимпромовская верхушка. Сейчас положение изменилось. Калийная промышленность приравнена к стройкам первой очереди.

В наступление

От рудника по размытой «шаше» к югу, на берегу Володинки — кирпичный завод Стромтреста. За ним, ближе к Черной, визжит лесопилка. Дорога изрыта глубокими канавами, через которые переброшены досчатые временные мостишки. Строят водопровод. Строят давно, но работа движется не весело. Песчаная почва вываливается в канавы, заливаются они водой; на больших участках канавы приходится копать заново.

За Володинкой «шаша» взбирается на крутой взлобок. По сторонам густая поросль молодого ельника. Дорога тянется по ровному мокрому плоскогорью. В полутора километрах от рудника — рабочий поселок «Калиец».

В поселке 30 стандартных четырехквартирных домов. В половине из них горит электричество, в остальные — спешно тянут провода; к деревянным стенам, к потолкам привинчивают арматуру.

При входе в поселок через «шашу» перекинута арка. Ставили ее, видимо, для приветствия первых поселенцев «Калийца». Теперь, она покосилась и посерела. На левом столбе арки фанерная дощечка полустертой надписью напоминает о том, что «на территории поселка курить воспрещается».

Повесили напоминание после того, как весной огонь уничтожил четыре новостроящихся дома.

Направо от арки — крепкое кирпичное здание столовой. На фронтоне — дата постройки — «1930». К Октябрю в широких окнах столовой вспыхнул электрический свет. Влево от арки — аптека и консультация по охране материнства и младенчества.

Жилые дома пятью рядами тянутся вдоль дороги. Посредине площадь. На ней здание универмага Верхнекамского ЦРК «Химик». На площади меж домов — свежие, прочно сидящие в земле пни. Над крышами — тонкие антенны ловят радиоволны.

Меж рядами домов кирпичные здания прачечных. Из

общественных учреждений пока что в поселке функционируют бани.

Рабочий поселок спроектирован профессором Мачинским. Великий спор был о том, где строить поселок: на Соликамской ли горке, подстраиваясь к самому Соликамску — близко от рудника и близко от города, или за Володинкой.

Спор о месте шел долго. Выносили по этому делу решения в Свердловске, в ВСНХ, и закончился он в Кремле в здании правительства.

Поражение потерпели сторонники соликамского проекта. Спор задержал начало строительства. Поселок стал расти с запозданием.

Врубился в еловую чащу, уперся в нее и приостановился, чтобы встретиться и сомкнуться с поселком третьего рудника. Третий рудник заложен у деревни Поповой в четырех километрах от первого.

Профессор Мачинский вытянул жилые дома по линии дороги. Сейчас она напоминает озеро грязи, но в 1931 году оденется в твердую одежду, превратится в благоустроенное шоссе; выкорчуются пни меж домов и на площади лягут асфальтовые тротуары.

Профессор Мачинский допустил ошибку, обратив фасады домов: одних — к западу, других — к востоку, два или три за универмагом — к северу. Южные, боковые стены остались без окон.

На даче — в Алупке, Мисхоре — не ценится южная сторона. Горячее крымское солнце превращает комнату в душную баню. Но в Соликамске...

Профессор Мачинский изъяснял солнце из квартир жителей «Калийца». Рано утром и поздно вечером заглянет оно в квартиры рабочих, как бы извиняясь за то, что целый день дарило теплом и светом глухую стену, точно вредитель, за-зря растрачивало дефицитные лучи.

В 1931 году в поселке «Калинец» закончатся постройкой: жилстроительство, клуб, школа-семилетка, школа ФЗУ, больница, детсад и ясли, гостиница, пожарное депо; закончится проведение канализации.

Сентябрьское обращение Центрального Комитета ВКП(б) всколыхнуло горняков. Собрали крепкий кулак и ударили по прорыву: объявили войну прогулам и лодырям.

По горному цеху в августе было 54 прогула, в сентябре — 58, а в первую половину октября — 10. Горняки организовали и провели показательные суды над прогульщиками, начали борьбу за ударные темпы, за закрепление на производстве.

Всколыхнулся механический цех. „Черная доска“ „обидела“ рабочих. Открыли в стенгазете травлю прогульщиков. Настояли на том, чтобы сменить заведующего цехом. В октябре прогулы уменьшились в тридцать раз.

В августе на калийном руднике не было ни одного ударника, а к 1 октября — 30 ударных бригад, 508 ударников.

Между цехами, отделениями — социалистический договор.

Закрепились на работе до конца пятилетки 303 человека рабочих и 15 инженеров.

Особый квартал 1930 года горняки-калийцы встретили широкой волной социалистического соревнования и ударничества. Мобилизовались, приготовились к наступлению, помня слова XVI съезда о том, что:

„Съезд считает необходимым обеспечить неуклонное и последовательное проведение химизации во всех областях народного хозяйства в направлении развертывания в форсированных темпах производства искусственных удобрений и средств борьбы с вредителями сельского хозяйства, калийного дела, производства азота, искусственного волокна, лесохимии, переработки сланцев, торфа и химически ценных углей (синтетические масла и горючие), краски, строительные материалы и пр.“.

К плану будущего года горняки наметили прибавку. К весенней посевной кампании 1931 ГОДА планом намечено добыть 60 ТЫСЯЧ ТОНН СЫРЫХ КАЛИЙНЫХ СОЛЕЙ, встречный промфинплан горняков НАМЕЧАЕТ — 65 ТЫСЯЧ ТОНН.

По плану намечается В 1931 году добыть — 150 ТЫСЯЧ ТОНН СЫРЫХ КАЛИЙНЫХ СОЛЕЙ, горняки повысили ЭТУ ЦИФРУ до 360 ТЫСЯЧ ТОНН.

Недостаток технических кадров в калийной промышленности требует большого внимания к подготовке квалифицированной рабочей силы. Осенью 1930 года в Соликамске открыт калийный техникум, и развернулось свыше десятка краткосрочных курсов по подготовке и переподготовке рабочих.

В 1931 году в калийную промышленность вкладывается около 44 МИЛЛИОНОВ РУБЛЕЙ.

В особом квартале 1930 года горняки врубались в сильвинитовый пласт. От копра второй шахты по рельсам узкоколейки побежали к временной солемельнице груженные сильвинитами вагонетки.

Бухают кувалды. Дробят молочнобелые глыбы соли. Процесс добычи еще не механизирован. С хрустом растирается соль на мелкие кристаллики, и лента конвейера сливает ее в испещренные меловыми записями товарные вагоны.

Еще так недавно прибывавшие в Соликамск груженные стройматериалами поезда стучали порожняком в обратный путь. Вяло подкатывался паровоз к пустому составу, недовольно фыркал, точно сердился за лишний пробег. А теперь он гордым гудком оглашает поросшие хвойными лесами уральские холмы. Торопится паровоз, чтобы во вторую большевистскую весну вложить в голодную землю первые тысячи тонн советских сильвинитов.

В здании временной солемельницы — плакат:

Не бей кувадой сильвинит на грех те и решетке, этим можешь причинить ущерб предприятию.

Рядом с первой шахтой сверкает широкими светлыми окнами новый пятиэтажный корпус. Постройка закончена.

Внутри корпуса устанавливается оборудование. Это здание— постоянная солемельница. За нею огромный дымящийся на морозе тесовый ящик — зашитое в тепляки здание энерго-станции.

Ни суровая уральская зима, ничто не могло остановить строительства. Пусть приходится терпеть лишения, пусть... На трудности строители и горняки ответили новыми бригадами ударников, социалистическим соревнованием, социалистическим штурмом.

Калийная победа — доказательство огромной воли освобожденного рабочего класса СССР, наперекор всем проишкам врагов заканчивающего в этом году постройку фундамента социализма.

Ранним утром я покидал Соликамск. По сторонам вновь выстроенного шоссе к железнодорожной станции — покрытые снегом поля. За Соликамской горкой черной полосой темнеет роща, над нею — светлая луна, зарево электрических огней. Это — рудник.

Круглые сутки, не переставая, кипит работа. На лесах строящихся рудничных предприятий, глубоко под землей — в сухих соляных забоях — яркая, не замирающая жизнь.

Соликамск дремлет во тьме. Только в ограде бывшего монастыря горит одинокий фонарь, как бы напоминая о гибели старого Соликамска, о рождении нового промышленного города.

Сейчас Соликамск еще называют вторым в мире Стас-сфуртом, но уже не далек день, когда станет он первым в мире Соликамском — центром социалистической калийной промышленности.

Приложение

Калий и развитие калийной промышленности¹

(Популярная лекция проф. С. Михальцева, переданная им по радио 12 сентября 1930 года.)

Товарищи! (Тут профессор, по своей всегдашней привычке, сделал паузу и легонько откашлялся.) Надеюсь, вы

¹ От утствие в наших очерках сведений по истории развития и о современном состоянии калийной промышленности делало их очень непол-

уже слышали не раз об открытых недавно на советском Урале, в районе города Соликамска, мощных залежах калия. В предоставленные мне 30 минут я хочу кратко познакомить вас с историей развития калийной промышленности и значением этой промышленности для народного хозяйства.

Первый шаг к развитию калийной промышленности сделан в Германии. В половине XIX столетия выдающийся германский ученый Юстус фон-Либих, изучая жизнь растений, доказал возможность почти полного возврата почве взятых у нее растениями питательных веществ. Это открытие произвело переворот и в науке и в практике сельского хозяйства. В чем заключалась сущность открытия? В том, товарищи, что по доказательствам Либиха химический состав одних и тех же частей растения и зерна, в отношении содержания в них азота, фосфорной кислоты и калия, почти не изменяется. Недостаток в почве нужных растениям химических веществ отзывается на качестве урожая. В практике сельского хозяйства эти доказательства Либиха привели к широкому применению искусственных удобрений.

Основные элементы, входящие в химический состав зерна, — азот, фосфорная кислота и калий. Следовательно, нужно было найти способы возврата их почве. Иными словами, нужно было найти способы дешевого производства химических удобрений.

Вскоре после открытия Либиха в пустынных степях Чили были обнаружены в колоссальных количествах азотистые соли, известные теперь под названием — чилийская селитра. Кроме того, азот возвращался почве путем внесения навоза, а в последнее время даже нашли способ добычи азота из воздуха.

Фосфорную кислоту давали большие залежи известных уже к тому времени фосфоритов, также кости животных. Гораздо труднее оказалась добыча калия. Калий обычно встречается в горных породах, в морской воде, в тканях

ыми. Согласие проф. С. Михальцева на опубликование своей лекции восполняет этот пробел. Считаем долгом выразить уважаемому профессору мою признательность.

морских растений. Но все известные вещества, содержащие калий, давали его в столь небольших количествах, что нечего было и думать о постановке производства калия в широких размерах. Помог неожиданный случай.

В центральной Германии, около маленького городка Стассфурта, находились соляные источники, вода которых с незапамятных времен употреблялась для выварки поваренной соли. Однажды решили попробовать наладить в этом районе добычу каменной соли. Приступили к бурению скважин. Это происходило в 1851 году. Для того, чтобы добраться до чистой соли, пришлось пробуровать пласт каменной соли, горькой на вкус, негодной для употребления в пищу.

Этой горькой соли дали название «абраумзальце», то есть мусорные, негодные соли. При начавшихся разработках огромные количества «абраумзальце» выбросили наружу. Полагали, что она не имеет никакой ценности и является лишь помехой при добыче соли. Но вскоре соляными отбросами заинтересовались ученые минералоги и химики. (Работы — Франка, Грюнберга, Фельша и др.) Когда «отбросы» тщательно исследовали, обнаружилось, что «абраумзальце» содержит большое количество калия и магнезии.

Таким образом, товарищи, и был разрешен способ промышленной добычи калийных солей.

После Стассфурта калийные соли были обнаружены при бурении в поисках нефти в Эльзасе (Франция). К настоящему времени калийные соли найдены в небольших количествах: в Польше, Испании, Палестине (Мертвое море), Америке и наконец — крупнейшее месторождение — в Соликамске.

Ценность калийных солей, как удобрения, заключается в том, что они повышают не только урожайность, но и качество продуктов. Калийные соли применяются для удобрения полей, огородов, лугов, в садоводстве.

В 1880 году во всем мире потреблялось около 500 000 тонн чистого калия. Это количество делилось почти поровну между промышленностью и сельским хозяйством.

К началу XX столетия потребление калия поднялось до

трех миллионов тонн, а в настоящее время производство калия только на предприятиях франко-германского калийного синдиката достигло 12 млн. тонн. 95 процентов этого количества расходуется на нужды сельского хозяйства.

Теперь, товарищи, посмотрим, какова же ценность открытого у нас соликамского месторождения. Прежде всего, это месторождение выгодно отличается от всех других. В Соликамске мощный 120-метровый слой солей содержит только два вида калийных солей — карналит и сильвинит. В нижних слоях месторождения — сильвинит, в верхних — карналит. Пласты калийных солей расположены равномерно и часто достигают до 3 и даже до 9,5 метра мощности. На 72 метра верхней части калийной залежи приходится 30 метров слоев карналита, а в нижней части, на 26 метров соли — до 12 метров слоев сильвинита. Содержание калия в сильвинитах колеблется от 20 до 45 процентов.

Попробуем сравнить с соликамскими залежами стассфуртские месторождения. При самом беглом наблюдении мы установим, что преимущества на стороне Соликамска. Калийные соли в Стассфурте состоят из пластов карналита, общей мощностью до 30 метров (то есть равняются одной лишь карналитовой зоне Соликамска), с содержанием хлористого калия — 10—15 процентов. Лучшие по богатству калия залежи в Германии находятся в районе рек Верра и Фульда. Они состоят из двух пластов сильвинита, общей мощностью от 2 до 8 метров. При этом пласты сильвинита разделены 50—70 метрами каменной соли. Кроме того, германские калийные соли содержат вредную примесь — серно-кислые соли, что удорожает и затрудняет фабричную переработку их.

Соликамские соли располагаются одинаково мощными спокойными пластами на всей пока что исследованной площади (свыше 600 кв. километров). Они не содержат примеси вредных серно-кислых солей. В этом отношении с ними равняются только эльзасские соли. Но пласты сильвинита в Эльзасе, общей мощностью достигающие всего лишь около 4,5 метра, лежат глубоко от поверхности — на глубине 400—900 метров. Пласты же соликамского месторождения — на

глубине всего лишь 150—300 метров. По самым скромным подсчетам количество калия в Соликамске только лишь на исследованной площади больше чем в два раза превышает количество калия всех вместе взятых, известных к настоящему времени месторождений.

Но откуда же, товарищи, в глубине земных недр появились залежи калийных солей? Наука объясняет это следующим. Миллионы лет тому назад бушевали на земле волны огромного Пермского моря. Потом наступило время засухи. Высыхающее море образовало множество внутренних (не соединенных с океанами) морей и озер. В эти моря несли воду многочисленные реки, вода которых содержала большие количества солей, под влиянием ветров и непогоды отделившихся от горных пород. Постепенно моря высыхали. На месте их образовались бесплодные пустыни. Высыхающие моря оставили на земле пласты солей, и те постепенно покрывались пластами пыли, глины, песчаника и более поздними геологическими наслоениями. Каменная соль таким образом оказалась скрытой глубоко в земле. Эти наслоения как бы прикрыли собою соль и предохраняли ее от растворения в подземных водах.

Богатые солями залежи пермских пород сохранили до наших дней затвердевшие соли калия. К этому времени относится образование залежей соли в Германии, в СССР. Крупнейшее месторождение этих солей и вскрыто ныне в Соликамском районе.

Дальше, товарищи, я позволю себе кратко остановиться на современном состоянии калийной промышленности. Экономический кризис, который, как вам известно, переживают сейчас все капиталистические страны, ударил и по калийной промышленности. Эта промышленность находится главным образом в Германии и Франции (после присоединения к последней Эльзаса) и сосредоточена в руках франко-германского калийного синдиката. До последнего времени этот синдикат занимал почти монопольное положение на калийном рынке. Но сейчас положение синдиката сильно пошатнулось.

По сообщению немецкой газеты «Ганделе Цайтунг» ак-

ции одной только компании «Зальцдерфут» упали в июне 1930 года на 50 процентов. А французские акции о-ва «Св. Терезы», курс которых еще зимой 1929—30 года равнялся ценности капитала в один миллиард марок, — к концу лета потеряли треть своей ценности.

«Кризис сельского хозяйства в Америке, — сообщает та же газета, — открывающиеся рудники в других странах — подрывают германскую калийную промышленность. В Стасфурте производство с нескольких сот шахт уменьшено до 65 шахт».

Само собой разумеется, открытие величайших в мире соликамских залежей и проходка двух первых шахт оказывают влияние на состояние мирового калийного рынка. И поэтому нет ничего удивительного в том, что буржуазная печать старается использовать малейшие колебания в развитии калийного производства в СССР.

Мы ведь не привыкли скрывать своих недостатков. Наоборот, путем жестокой самокритики исправляем их. Когда однажды в советской печати опубликовано было сообщение уральской областной РКИ о недочетах в строительстве калийного рудника, это привело буржуазную немецкую печать в бурное ликование. Газета «Дейтче бергверке цайтунг» заявила о «провале советских планов». «Ганноверский курьер» поместил заметку о недочетах под заголовком: «Советский калий — разочарование». В своих примечаниях эта газета выражает надежду, что «до русского калийного хозяйства пройдет еще долгое время».

И есть отчего франко-германским промышленникам прийти в бешенство. В недалеком будущем соликамские залежи калия дадут знать о себе более ощутимым способом. Беспристрастные ученые так оценивают соликамский калийный район:

Недавно д-р Джон В. Терептан, заведующий поташными исследованиями химического бюро (САСШ), сообщил: «Новым чрезвычайно важным фактором мировой ситуации являются русские залежи (калия), которые, судя по достоверным отчетам, достигают мировой величины и легко доступны для разработки. Русские калийные залежи в одном

только соликамском районе являются вероятно самыми крупными залежами в мире, причем содержание калия на единицу площади в пять раз больше, чем в эльзасских месторождениях».

Сельское хозяйство во всех странах увеличивает спрос на калий. В 1926—27 годах Финляндия ввезла 35 000 метротонн калийных солей, Швеция — 101 000, Латвия — 20 000, Соединенные Штаты — 570 000 метротонн. Кроме того, калий ввозили Англия и другие страны. В ближайшие годы советский калий будет выброшен в миллионах тонн на совхозные и колхозные поля. Это скажется на повышении урожая. Советский калий поможет закрепить успехи социалистического переустройства нашего сельского хозяйства и даст новый толчок к повышению его производственной мощности.

Достигнутая ныне калийная победа есть победа правильного курса генеральной линии партии и советской власти. Победа, выкованная в жестокой борьбе с капиталистическими элементами, с правыми и «левыми» оппортунистами.

Советский калий — детище Октябрьской революции. Он является показом того, как победивший пролетариат Советской страны создает величайшие ценности и использует их для еще более быстрых темпов строительства социализма.

Как и в других областях народного хозяйства, советская калийная промышленность скоро догонит передовые капиталистические страны и перегонит их.

СО Д Е Р Ж А Н И Е

	<i>Стр.</i>
Город у Соли-Камской	3
Клад	6
Спицы в колесах	15
„Скромные“ монахи и бесчувственные большевики	20
Спуск в шахту	27
Первый „башмак“	35
Путь от 41 до 60 метров	38
Два трупа	49
Гефриршахтбау	54
„Инженер“ Турупук	59
19 апреля	66
Люди калийцы	70
Старые и молодые	78
Проблема советского калия—проблема урожая	81
Гравий	85
В наступление	92
Приложение	96

Редактор Н. Острогорский
Техн. редактор А. Кочнов

Уполномоченный Главлита № Б-3409.

Огиз № 400 X—23. Тираж 5000.

Формат бумаги 82×111/32.

1⁵/₈ бум. л. по 136 192 знака.

Сдано в набор 12/VI 1931 г.

Подписано к печати 5/XI 1931 г.

Заказ № 2047.

